ПОЛКОВНИК Ф.И. ЕЛИСЕЕВ.

П О Б Е Г

И З К Р А С Н О Й Р О С С И И

Брошюра № 14

Прямое продолжение брошюр:

"О Д И С С Е Я"

П О К Р А С К О Й Р О С С И И

* * *

Нью Йорк - 1965 г.

* * *

П О Б Е Г

И З К Р А С Н О Й Р О С С И И

/ брошюра № 14-й /

О Г Л А В Л Е Н И Е:

1. Я - "студент"... Душевные переживания чувства страха.

2. "Землячка"... "Нет... я не офицер... я есть студент"...

3. Город Вологда. И здесь Кубанские казаки....

4. "Один" из Кавказа....

5. На станции Званка. Сцена у киоска. Одна встреча. Состояние моей души....

6. В Петрозаводске. Неожиданная встреча с Кубанскими казаками. Жуткия минуты переживаний...

7. В Олонецком "Губсовнарком", т.е. - в губернском совете народнаго хозяйства.

8. Новый риск. Встреча с офицером-станичником.

9. В Карелии. Плутание по ней в лесах.

10. Последний день в красной России.

11. Я заблудился. Встреча с карелами. Душевные переживания

12. Цель достигнута. Рубикон перейден. Я в Финляндии.

13. На посту сержанта. На фельдфебельском посту.

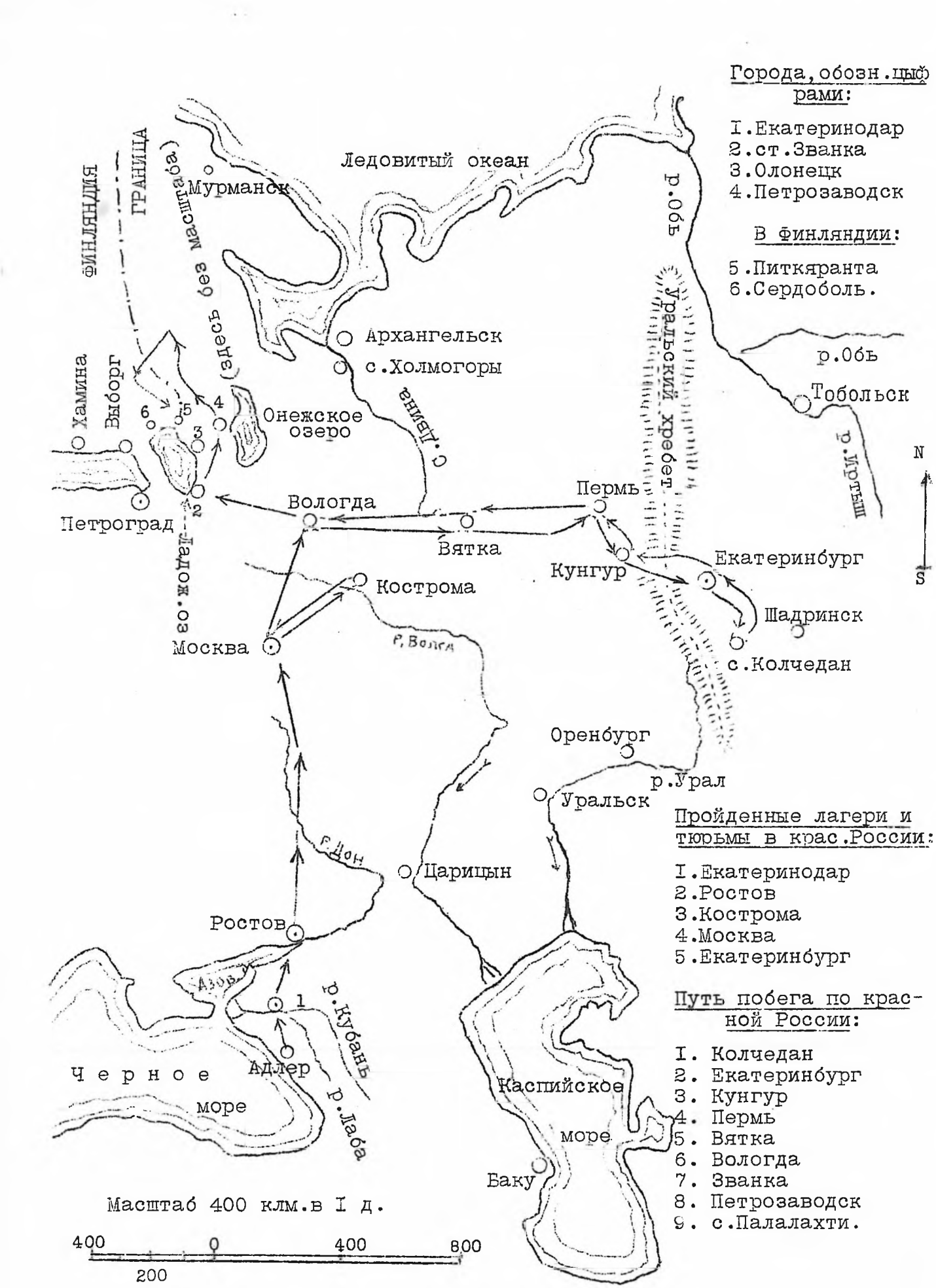
14. На офицерском посту в Питкяранта. В Сердоболе. В Выборгской тюрьме. В лагере Кронштадских повстанцев на острове Туркин-саари. Я на свободе.

15. Необходимое раз,яснение и опровержение.

16. Географическая карта "одиссеи" по красной России и "побега" из красной России.

- . -

Цена брошюры 1 дол. Выписывать по адресу:
Mr. Th. Elvseev, 502 W. 177 St., Apt. 1 C, New York 32, N.Y.

Города, обозн. цифрами:
1. Екатеринодар
2. ст. Званка
3. Олонецк
4. Петрозаводск
В Финляндии:
5. Питкяранта
6. Сердоболь.
Ледовитый океан
Мурманск
ФИНЛЯНДИЯ
ГРАНИЦА
(Беломорско-Балтийского канала)
Архангельск
с. Холмогоры
с. Двина
р. Обь
Уральский хребет
Тобольск
р. Иртыш
Хамина
Выборг
Онежское озеро
Ладожское оз.
Петроград
Вологда
Пермь
Вятка
Кунгур
Екатеринбург
Шадринск
с. Колчедан
Кострома
Москва
р. Волга
Оренбург
р. Урал
Уральск
Царицын
р. Дон
Ростов
Азов
р. Кубань
р. Лаба
Адлер
Черное море
Каспийское море
Баку
N
S
Пройденные лагери и тюрьмы в крас. России:
1. Екатеринодар
2. Ростов
3. Кострома
4. Москва
5. Екатеринбург
Путь побега по красной России:
1. Колчедан
2. Екатеринбург
3. Кунгур
4. Пермь
5. Вятка
6. Вологда
7. Званка
8. Петрозаводск
9. с. Палалахти.
Масштаб 400 клм. в 1 д.
400 0 400 800
200

П О Б Е Г И З К Р А С Н О Й Р О С С И И.

/брошюра № 14-й/

ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ... Я - "СТУДЕНТ"... ДУШЕВНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРАХА.

Я в Екатеринбурге.С вокзала направлялся к тому другу,который обещал мне устроить ложный документ.

"Федор Иванович... печать поставить не могу.Извините меня... я Вас понимаю,сочувствую побегу,но...дать не могу",вдруг огорашивает он меня.

"Да как-же это так?" - обомлев отвечаю ему."Вы-же обещали... я так надеялся на Вас".

"Обещал... не скрою,но потом раздумал и нашел,что н е - м о-г у" - решительно,с разстановкою слогов в последнем слове,произнес он.
Казак /офицер/ он был умный и выдержаный мужчина.Его словам я верил и то,что он мне сказал,я знал - изменений в его решении быть не может. Получилась "немая сцена".Он понял мои чувства и тихо,спокойно говорит:

"Федор Иванович...ну,представте: - я даю Вам поддельный документ с бланком того учреждения,в котором я служу.. ставлю на него печать этого учреждения,которое доверено мне... Вы едете на вокзал и там Вас арестовывают... ведь чекисты знают нас всех в лицо! Вы полковник Елисеев Белой Армии,а в документе у Вас,и другая фамилия и Вы совсем другой человек - пред,явят Вам обвинение они.Что и почему?.. Куда Вы едите?... Кто Вам выдал этот подложный документ?..У кого хранится печать? - зададут они Вам вопросы.Значить - точно и немедленно-же доберутся до меня. Ведь я же храню печать своего учреждения!...Что-же они тогда со мною сделают?!"..- закончил он.
Доводы его были настолько логичны и правдивы,что я уже не мог настаивать,зная твердость его характера,а главное - риск,за который он может поплатиться головою.

"Но мы нашли другой выход" - вдруг говорит он.Здесь я не буду,да и не могу еще высказаться - "какой,именно,выход "мы нашли",как он выразился. Т.е. - он с кем-то уже условился.

Бывшее Епархиальное училище,которое при Адмирале Колчаке было зданием Академии Генеральнаго Штаба - теперь,красная власть,открыла в нем "Уральский Государственный Университет" - "У Г У" - сокращенно.Как и почему,не знаю,но один из наших офицеров подружился с писарем Университета - так я обозначу этот случай.И этот писарь,в Университете,в канцелярии,на официальном бланке,напечатал удостоверение на одного из студентов перваго курса,приложил печать,а подписи сделали уж мы,вернее,я сам.

Было учтено все,а именно: - т.к.я ничего не знал по наукам Университета,написали,что я студент перваго курса; второе - указали фамилию действительнаго студента этого курса,на всякий случай - если меня задержат где-нибудь в дороге и будет запрос в Университет о существовании такового в нем - писарь,через котораго проходят входящия бумаги - ответит положительно.Кстати, имя студента было так-же,как и мое,Федор Иванович. Предусмотрено было и это,ежели в дороге встретятся знакомые и,по привычке,окликнут меня.Этот документ,как и другие,до сих пор храню у себя.Вот он:

Р.С.Ф.С.Р. /т.е. - Российская социалистическая федеративная советская республика/.

Народный Комиссариат по Просвещению.

Уральский Государственный Университет /У Г У/.

17 мая 1921 года
№972/Б
г.Екатеринбург.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е.

Пред,явитель сего есть действительно студент 1-го курса Инженерно-лесного факультета Уральскаго Государственнаго Университета /здесь идет имя,отчество и фамилия/.

Дано сие на предмет поездки в Олонецкую губернию с научно-практической целью.

Отношение к военной слуюбе: Декретом СОВНАРКОМА от 13 августа 1920г. пункт 5 об отсрочке для продолжения образования.

Действительно до 15-го августа 1921 года.

/Дальше идут три подпельных подписи - проректора,управделами и секретаря студотдела и...подлинная печать университета/.

Самое главное сделано.Я с документом.Дальше ждать мне нечего.Надо скорее уезжать.Из своих друзей по заключению,я не хотел показываться на глаза,что бы не вызвать подозрения властей.

Уничтожив свой командировочный документ в госпиталь и...мне стало немного страшно: - я порвал нить своего происхождения и оторвался от того,кем я в действительности был.Такое перевоплощение не проходит гладко.В мозгах что-то говорит о преступлении и о том,что теперь надо быть в особенности "на-чеку".Неправильный ответ,малейшее подозрение и можно так запутаться,что тебя "распутают только в чека".Несомненный конец - разстрел...

Все закончено.Надо ехать на вокзал,купить билет и уезжать.Но мне страшно быть одному.Арестуют по подозрению и об этом никто не будет знать.Прошу одного из заговорщиков проводить меня.Мы на вокзале,но,оказывается - что бы купить билет,надо иметь разрешение из комендантскаго управления.Оно помещается в доме инженера Ипатьева,где разстреляна была Вся Царская Семья.

Что делать...что делать?...Это,просто,идти в ловушку к власти!... Стремление к побегу было настолько глубоко в моей душе,что иду на самый рискованный шаг,где меня могут опознать и тогда...прощай жизнь.

Как писал в предыдущей брошюре - мы,500 пленных офицеров жили в Харитоновском доме около месяца,который находился угол на угол с этим до-

мом. Мы были тогда свободны и каждый выход в город, был на глазах из окон коменданскаго управления.

Показатедьный случай. Полковник Евсюков Линейной бригады был замкнут и не разговорчив. В один из дней, приходит из города и с улыбкой разсказывает:- стою я на одном углу улиц; ко мне подходит кто-то в штатском и показывает фотографический снимок; на нем я узнаю себя на улице, в томже костюме, в котором нахожусь и сейчас; удивленный - спрашиваю его - откуда он у Вас?... и кто это меня снял? Некто ответил: - "а Вы думаете мы за Вами не следим?.. всех мы Вас фотографируем при случае". Сказал и отошел.

Услышав это, мы окружавшие Евсюкова, улыбнулись и не придали этому никакого значения. Но теперь, когда я шел в канцелярию коменданскаго управления, вспомнил случай с Евсюковым и невольно подумал: - теперь, по документам, я студент... а вдруг там покажут снимок с меня и, конечно, с настоящей моей фамилией и чином? И не без боязни я подошел к этому жуткому по Российской трагедии дому инженера Ипатьева. Наш Император с Семьей вошел в этот дом и...не вышел. Мой-же путь, если опознают - будет в "чека". О последствиях не нужно и догадываться...И я вошел. На мне летняя гимнастерка защитнаго цвета и такие же брюки в напуск на сапоги. Так тогда многие одевались во все казенное, состоя на службе. Служили же почти все, что бы "жить" на скромный паек.

Вход в парадную дверь низкий и прямо с улицы. Не широкий корридор и дверь налево. Она открыта. За письменным столом сидел кто-то. Молча предявил документ. Глянув на меня - он молча дал мне фишку с печатью "на право выезда из города". Думаю, что это был дежурный писарь, для котораго "все было безразлично".

В те годы красной власти сочувствовали только партийные работники, да и многие записались в нее, иль для карьеры, иль, что бы прилично существовать.

С другом мы вновь на вокзале. Билет куплен до Петрозаводска Олонецкой губернии. Поезд на Петроград формируется здесь. Он товарный, а когда будет сформирован и отправлен - касса не знает. Уж вечер. Я решил ночевать на вокзале, условившись с другом, что он придет сюда завтра, что бы узнать о моей судьбе.

Разстались. Я избрал дальний уголок, нахлобучил на глаза фуражку, подчял воротник шинели, скрючился как бы для спанья, но сам ко всему прислушиваюсь, присматриваюсь. Ночь показалась длинною и очень холодною. Передо мною та театральная сцена в 3-м классе, где мы когда то пели "на утеху" подобным теперь мне, ожидающему поезда. И я теперь, занимая на грязном цементовом полу место в месиве людей подобных мне - послал-бы ко всем чертям тех, кто выступил бы теперь на сцене, нарушив мой покой. Ожидающим поезда сутками - было не для увеселений в холодную темную ночь.

В страхе быть опознаным - не спал всю ночь, но к утру заснул мертвецки. Вдруг, кто то тормошит меня за плечо. Чекисты - мелькнуло в голсве. Со страхом открываю глаза и вижу дорогого друга, моего спутника по заговору.

"Вы еще не уехали, Федор Иванович? - участливо спрашивает он.

"Да.. как видите", отвечаю и не хочу вставать с места, что бы не показать себя окружающим.

Он узнает время отхода поезда, что-то после обеда. Надо еще ждать. Он принес мне кипяченой воды для чая. С удовольствием выпил и на душе и в организме стало чуть легче.

Он должен идти на службу. Мы крепко жмем друг-другу руки. Я так искренне благодарен ему за все. Ведь это он, единственная душа из Кубанскаго Казачьяго Войска, кто видит мои переживания и все муки души, так воровски

покидающий свое Отечество,что бы избавиться от красной власти,направляясь в неизвестную даль,в неизвестность своей судьбы...

Я переживал жесточайшую трагедию своей души и исключительно тяжелое моральное состояние.На карту поставлена жизнь или смерть.Малейшая оплошность - арест и "чека".Мне казалось,что время остановилось и моего поезда никогда не будет.Но бывает конец и в советской действительности.Наконец поезд был сформирован и подан.Об,явлено: - "можно занимать места".

Поезд,конечно,только товарный.Это об,явление вывело меня из оцепенения.Забыв кто я,схватив свои вещи,напрягая все свои силы,совершенно с советским "расхристанным" видом как и все - словно дикарь бросился я к вагонам.Что там творилось при посадке - трудно описать.Я знал лишь одно,что мне надо как можно быстрее вскочить в вагон и занять в нем место как можно потемнее.Расталкивая всех кто попадался мне по пути благодаря своей силе и ловкости - я был в вагоне в числе первых и сразу-же юркнул на нижние нары,к стене вагона.Здесь была наибольшая темнота и я знал, что контроль,обходя вагоны,не поинтересуется заглянуть в лицо тому,кто лежит у стены,в полутемноте.

Залез как зверь в нору от преследования сильнаго зверя и почувствовал некоторый покой души.Лежу и молчу.Даже хочу заснуть.Не тревожу и соседа,разыгривая роль безконечно уставшаго человека,для котораго покой - дороже всего.Оно так и было для меня.

К моей радости,через полчаса времени,наш поезд,скрипя,как будто тронулся с места.Предполагаю,что он маневрирует.Лежу и думаю - как легко было мне вскочить в вагон и занять вот это,так удобное и скрытное для меня место.Даже забыл и о переживаниях вчерашняго и сегодняшняго дней. А поезд скрипит и скрипит и,будто,усиливает свой ход.Желая проверить - спрашиваю соседа:

"Што,поезд маневрирует?"

"Какой там... тронулись совсем" - отвечает он.

Я ему верю и не верю,но хочу верить.И действительно,скоро я убедился,что поезд тронулся "совсем".На душе сразу полегчало.Я незаметно перекрестился.Ну,думаю,если я внехал из района Екатеринбурга - теперь менее страшно.В дороге и дальше,встречи могут быть только случайныя,кто-бы опознал меня.

Бог познается только в несчастье.Это я испытал на себе много раз,а во время этого бегства - в особенности.

На следующей станции контроль билетов.Мне было уже не страшно.Из темноты я подал ему свой жел.дорожный билет и удостоверение - кто я,которые были,официально,"в полном порядке"... Их быстро осмотрели и вернули мне без слов.

Ф-ф-у-у...пронесло.. ну,теперь надо себя держать соответственно "студенту"- решаю я,и все-же,из своей норы,еще не показываюсь "на свет Божий".

На следующий день наш поезд остановился в Перми. Здесь впервые я вылез из своей конуры,сошел совершенно свободно из вагона и прошелся по платформе.Здесь меня уж никто не знал.Гулял и думал - а ведь здесь также вышел из вагона наш брат Андрей Иванович и наверное гулял по этой платформе,ища чего-то...И мне приятно было сознавать,что я может быть ступаю своими ногами по тем местам,по которым проходил он.Вот киоск.Я знал,что брат любил разсматривать - что в нем?Подхожу,покупаю открытку и пишу ему на Нытвинский завод,подчеркнув,что я еду к Жоржу,т.е.к нашему младшему брату,который с Армией ушел за-границу.Этим я показал ему, что я бегу из красной России и предлагал ему следовать за мною.Нытвинкий завод находился под Пермью,куда он был назначен на службу.

"ЗЕМЛЯЧКА"..."НЕТ,Я НЕ ОФИЦЕР...Я - СТУДЕНТ"...

Перед от,ездом на спортивные курсы,как я писал,нас с полковником Богаевским поместили на два дня в дрянную гордскую гостинницу.На общей кухне мы готовили себе суп и чай.Одет я был в Хорановский бешмет.В нем, вообще,в казачьем костюме,я чувствовал себя морально легче.

"Откуда Вы?...не Кубанский-ли казак?" - вдруг спрашивает меня стройная маленькая женщина в простом костюме,с легкими рябинами на лице,но очень приятная видом, вошедшая на кухню.

"Почему Вы думаете что я Кубанский казак?" - с острожным встречным вопросом отвечаю ей.

"Да я из Туапсе!..Вы так похожи на наших Кубанских казаков.Вы,наверно,в командировке?" - я бы сказал - восторженно спрашивает она.

Я соображаю - надо сознаться,что я Кубанский казак,не утончая вопроса,но от нея узнать - что там у нас на Кубани?

"Да,Вы угадали.. и мы с Вами соседи... я из Белореченской станицы" - вру ей.

"Ну-у!..так Вы совсем земляк.Давайте познакомимся... и позвольте называть Вас "земляком" - продолжает она и подает мне руку.

Я поведал ей,что мы,с другом,инструктора спорта и она нам уже рассказывает о своей семье.Они давно живут в Туапсе.Отец и брат служили на железной дороге.Отца разстреляли "проклятые белые",а брат живет все там-же.Потом белых прогнали красные... и она вышла замуж за командира роты красной армии,что пришли из России.Он командир роты войск особаго назначения.И его,как надежнаго коммуниста,перевели сюда и она с ним приехала в Екатеринбург.Но тут ей скучно,холодно и плохо для здоровья. Я Вас познакомлю с мужем.Он вернется домой со службы вечером.Он у меня очень строгий и твердый коммунист.Недавно,при подавлении возстания,он собственноручно застрелил двух своих солдат,которые его ослушались - щебечет она."Хорошее знакомство",думаю.

Вечером она зовет к себе.И я вошел в их небольшую комнатку,в которой живут два командира-чекиста со своими женами.

"Вот мой земляк... Кубанский казак... познакомся",говорит она мужу. Навстречу поднялась мне плотная крестьянская фигура с лицом изрытым большими и глубокими чашечками оспы.Белыми злыми глазами как у черной пантеры он впился в мои глаза испытывающе,видимо интуитивно,и в своем терроре над кавказами на Кубани,почувствовал во мне офицера Белой Армии.

"Здравствуйте...как Вы попали с Кубани сюда?.. Кто Вы такой?" - были первые его слова грубо деревенскаго парня,который,не отводя своих глаз от моих,готовый,кажется,взять меня за шиворот,как попавшуюся ему новую жертву.

Ну,думаю,ш-шалишь.. у меня теперь есть свое начальство,которое,конечно,выше тебя и в обиду меня не даст.Скрыв кто я таков,сказал,что инструктор спорта и жду выезда к месту службы.Но опытный глаз чекиста,видимо,мало поверил моим словам.Разговаривать было не о чем.Щебетала только хозяюшка,рожденная на нашем мягком юге,нося украинскую фамилию отца.

Глядя на него,мне было страшно знать - на кого опирается власть.Это был человек в образе зверя,тупой,злой,мстительный.В его изрытым оспою лице светлаго блондина совершенно с белыми злыми глазами - ничего не было от человека.Такой человек будет защищать себя и свою красную власть как зверь,защищающий свою жизнь.

Наш вагон пустеет от публики. Мы уже под Вяткой. Здесь мне бояться некого. И трудно представить, что бы кто меня опознал. Я вылез из своего ложа и занял место на верхних нарах, у самаго лошадинаго оконца. Так приятно было разсматривать неведомую местность. Мелькают поля, пролески, мелкие села. В лесу еще снег, но на полях сухо.

Возле какого-то городка поезд остановился не доезжая до станции. Шагах в ста от полотна жел.дороги, деревенския бабы раскинули свои лотки с продуктами. Многие устремились туда, что бы купить что с,естное. Побежал и я. И только что было куплено кое-что, как свисток паровоза предупредил об отходе. Все бро сились к вагонам. Бегу и я, обгоняя других. Вдруг слышу позади себя знакомый голос:

"Земляк!..Земляк!... Куда Вы едите?" Оглянувшись - узнал свою "туапсинку". Ну, попался, думаю. И на кой-чорт я выскочил из вагона! - ругаю себя. Она бежит ко мне, тянет руку и радостно сообщает, что - она едет домой в Туапсе, в отпуск и очень рада видеть меня попутчиком. Нумаю - этого еще нехватало. Вот тебе Великая Россия - от своих не упрячешься - тревожно думаю.

"С мужем едите?" - будто для любезности спрашиваю, а на самом деле что бы скорее узнать - где этот ея "сатаниил"? - что бы избегнуть с ним встречи, который, по подозрению, может меня арестовать и тогда/?!/...тогда что будет - лучше не утончать.

"Не-ет!.. он остался на службе... он там нужен... и едва отпустил меня одну.. я непереношу холоднаго климата", в попыхах бега поясняет она.

Бросаю ее и бегу к своему вагону. Никаких сходцев при вагонах не было. Бабы и многие мужчины, без посторонней помощи, не могут влезть. В горячах, в радости, что убежал от землячки - подскочил к вагону, оперся ладонями на его пол, присел, оттолкнулся и одним прыжком вскочил в него. У противоположной стены вагона, при моем отсутствии, вошел вооруженный караул в 4 красноармейца. Сняв свои треухи - они ели что-то из одного котелка. Винтовки их стояли рядом, у двери. Напуганая ворона куста боится. Вот и я. Ведь это военный караул! Кто он и что он - незнаю. Но это - представительство красной власти! Они могут меня арестовать! - думаю.

Увидев меня - все повернулись в мою сторону с каким-то вопросительным взглядом. Все парни молодые и чисто крестьянские. Одному из них только лет 25. Он был, безусловно, начальник их. Окинув меня с ног до головы взглядом - вдруг он спрашивает:

"Вы наверное бывший офицер?"

Холодок страха прошел по моему существу. Напустив на себя "безразличие" якобы, отвечаю встречно:

"Почему Вы так думаете?"

"Да Вы так ловко вскочили в вагон, чисто по-офицерски. Так вольный человек сделать не может", вдруг поясняет он.

Я вновь в душе ругаю себя за неосторожность. Стараясь быть спокойным, подличаю сам перед собою, произношу ужасные слова:

"Нет... Я не офицер... Я студент... А гимнастику мы проходили в гимназии.

Видимо я побледнел. Сам себя, ведь, не видишь. Красноармеец это, явно, заметил. Хорошим тоном хорошаго молодого крестьянина, он говорит мне:

"Да Вы не бойтесь...Я младший унтер-офицер Великой войны и сразу-же определил Вас по-ухватке, что Вы бывший офицер", вдруг продолжает он и вижу, чувствую, говорит он сердечно, которому, просто, приятно было видеть бывшего офицера. Но я решил не признаться и, к его неудовольствию, вновь отрекся от своего офицерскаго положения, буквально, как Апостол Петр отрекся от Иисуса Христа. Мне было стыдно за самаго себя, но иначе поступить я не мог. Таково чувство страха безправнаго человека, бегущаго от красной власти по подложному документу. /унтер-офицер Великой войны/

ВОЛОГДА. И ЗДЕСЬ КУБАНСКИЕ КАЗАКИ. . .

Поезд остановился на станции Вологда.Я свободно гуляю по широкому от крытому перрону,в сознании,что здесь то я уж никого не встречу,кто бы знал меня.Вдруг передо мною мелькнула кубанская папаха.В овчинном мерном кожухе,средних лет казак,с чайником в руке,быстрым шагом,озабоченно,шел,видимо за кипятком.Как зверь,почувствовавший опасность,я остановился укрыто и наблюдаю.Не ошибка ли это? Но,нет.Я вижу и еще несколько своих родных Кубанских казаков с чайниками.Явно,стоит где то их поезд ссыльных.Надо скрыться.Можно встретить не только что сослуживцев, но и станичников.И они,на радостях,могут обратиться ко мне по чину а станичники,с об,ятиями.А "чека" - тут как тут.Ну - и погиб казак.Пришлось скрыться.

Поезд стоит здесь два часа.Что бы убить время - иду в город.Чистые дома ошилеванные досками.Все они окрашены в нежный зелено-голубой,как бы,небесный цвет.Много досчатых тротуаров.Хорошие дома,вижу,реквизированы,вернее национализированы.На них вывески краснаго поля,на которых белыми буквами красуются надписи: - губсовнарком,губсовет,губчека и др надписи государственных учреждений.Все те же названия улиц,как и в Екатеринбурге - на красной дощечке белыми буквами: - ул.Карла Маркса,ул. Ленина,ул.Троцкаго,Розы Люксенберг и разных других героев и вождей революции и коммунизма,набивших оскомину всем обитателям этих городов.

Прибыв в Екатеринбург и взяв извозчика на вокзале,что бы ехать к другу-"заговорщику",называю улицу.

"А я такой не знаю" - лениво отвечает он.Тогда я назвал ее по старому.

"А-а..эту?...эту знаю.Мы,ведь,живем по старому" - так-же лениво отвечает.

"ОДИН" С КАВКАЗА. .

Путь мой продолжается к узловой станции "Званка",где я должен пересесть на поезд Мурманской железной дороги,идущий в самый северный город России,в Мурианск.Скука,тоска,чувство одиночества,загнанность - неимоверны.Мое существо горит каким-то внутреним горением,чувством последняго разставания с Родиной,с семье,поэтому,душа так тоскливо ноет,словно хочет выскочить вон.С каждой большой станции я пишу письма в станицу полное скорби и прощания.Пишу,что еду к Жоржу,давая им понять,что я бегу за границу...Сердце вещун не ошибалось и горело потерею самаго ценнаго для него,что есть у каждаго человека,это - Семья и Родина. Семью отца я больше не увидел.Она вся погибла...

На какой-то станции долгая остановка поезда.В вагоне уже просторно. Мы сидим на каких то скамейках.К нам влез "некто" в черных штатских штанах в напуск на ботинки,в грязной серой рубахе,в неизвестнаго цвета кепки,но на поясе у него,на портупее,висит стильная Кавказская шашка в черной ножне и ноган в черной кобуре кавказской работы.Шашка кривая. Рукоять из чернаго рога.Она очень изящная.Такия шашки носили на Кавказе только князья,иль благородные уздени.Она так не шла к этому "некто" в странном костюме,главное,не военном костюме,к тому же с сухим злым лицом,потертым,видимо,употреблением разных "излишеств".Он влез в вагон, окинул всех недружелюбным взглядом,сел на что-то и молчит.Я не сомневался,что это какой-то комиссар,бывший на Кавказе и там награбивший все это.Но поговорить с ним не решаюсь.

К вагону подошла группа женщин.Среди нея старый-старый,совершенно выцвевший старик небольшого роста.Он весь белый - небольшая бородка во все стороны,лицо,брови,глаза.На вид,просто,святой.На нем длинная белая домотканная рубашка до колен.Дальше домашния самотканные темно-синие

портки /штаны/ с белыми продольными полосками.На ногах чистые белыя онучи и новые лапти.В руках палка для помощи при ходьбе.Крестясь,разцеловал всех.Те так же крестили его.При помощи мужчин,провожавших его,едва всадили в вагон.Он рад,он счастлив.Старческой доброй улыбкой обвел он нас всех своими добрыми глазами и перекрестился.Поезд тронулся.И он,и провожавшие его - набожно крестились,а он прочитал,даже,какую-то молитву."Некто",видя это - досадливо и густо сплюнул в сторону,словно откушал чего-то очень горькаго.Потом,снисходительно-ехидно вперившись своими глазами в старика,облокотившись на шашку,спрашивает:

"Куда едешь,старик?"
"Я-то"...
"Да?.. ты!...ты!!.. - громко и недружелюбно-презрительно произнес он.
"Еду помолиться в нашем монастыре Святому Миколай-Угоднику...Давно, родимый,там не был.Ну,вот,теперь семья и спровадила меня. Так-то хорошо на душе стало" - отвечает этот весь белый от старости старик,став,будто прозрачным свои сухим телом.
После этих слов,"некто" повел по нас своими серыми насмешливыми глазами и говорит всем наставительно:

"Пускай едет старый.Его уж поздно переучивать.Не стоитьтратить силы. Но вот есть и молодые,подверженые этому искушению.Я бы их своими руками душил-бы - вот так! вот так!!.. И показал руками,как он их душил бы.
Все молчат.Я нашел,что мне,интеллигентному пассажиру,молчать,значить боюсь и соглашаюсь с ним.И молчать было глупо.Почему,словно не слыша его слов - спрашиваю запросто,по-солдатски,называя его на "ты":

"Где достал шашку?... Кавказская она?"
"Да-а... был и там...в Грузии.Тоже,бля-и возстали против советской власти...Так мы их накрошили...Ну,вот,и досталась там эта шашка.. на память".
Вижу,это опасный суб,ект.Надо подальше быть от него.И я был рад,когда пролета через два,он покинул вагон.А скоро,на пригорке,показался и монастырь,куда ехал старик.Белаго камня,иль выкрашеный в белый цвет - он приятно манил верующаго в свои об,ятия.

НА СТ.ЗВАНКА.СЦЕНКА У КИОСКА.ОДНА ВСТРЕЧА... СОСТОЯНИЕ МОЕЙ ДУШИ...

На станции Званка моя пересадка.Узнаю,что мой поезд на Мурманск пойдет через 18 часов.Что делать,что делать?!.. Куда пойти,что бы убить время?!..
Чем дальше я удаляюсь от центра России и чем ближе приближаюсь к границе - моя душа горит смертельно от внутренней тоски,которую ни чем не могу сдержать.В моей груди - буд-то кто насыпал жаровню раскаленных углей.Я совершенно не могу быть не в движении.Я ненахожу себе покоя и тоска по семье,не дают мне его...Я вступаю в последнюю губернию России Олонецкую,которая граничит с Финляндией,целью моего побега.Но где пролегает граница с независимой Финляндией - я не знаю.Надо найти карту России.Подхожу к киоску.Он грязный.В нем какой то парень в шубе и девка совершенно деревенского типа.Подхожу и спрашиваю:

"Есть-ли у Вас географическая карта Советской федеративной республики?
"Кав-во-о?.. переспрашивает меня парень.
"Я спрашиваю - есть-ли у Вас карта Советской социалистической федеративной республики?" - называю,на всякий случай,полным титлом "свою страну",думая - как бы он еще не придрался ко мне за умолчание полнаго титла страны.

"Вот,иш-шо выдумал... хвидиративная риспублика... я такой и не слыхал",отвечает он.

Ответ классический.Возможно,что такой карты еще нет.Но мне надо знать - где-же проходит граница?Станция небольшая,грязная.Обхожу все помещения но ненахожу и старой карты России.

Что бы убить время - иду по городу.Он небольшой и грязный.Прошел-ли дождь,иль стаял снег,но под ногами мокро.Через открытые ворота одного двора вижу длинный дом на высоком фундаменте.Открыты окна и на противоположной стене вижу географическую карту.Видимо школа,думаю.Вошел во двор.В нем никого из людей.Остановился и смотрю на дом.Вдруг слышу голос справа:

"Вы что разсматриваете,товарищь?"

Поворачиваюсь и вижу мужчину лет 35-ти.Он в штатских брюках на ботинках,в белой рубашке без галстука и без головного убора.Лицо полуинтеллигентное,но его серые глаза активны.Это учитель,думаю.

"Я увидел в помещении карту.Я студент с Урала.Еду в командировку в Элопецкую губернию,но не знаю ея окраины.Как бы на исследовании не заблудиться.Вот и хотел посмотреть на карту.Это школа? Вы учитель?Позвольте зайти и посмотреть географическую карту?"

"Нет,это не школа",отвечает он и быстро,с ног и до головы,осмотрел меня своими острыми серыми глазами,держа все время руки в карманах брюк

"Это штаб летучей бригады по вылавливанию разных контр-революционеров вредителей и разных дезертиров.А я есть начальник бригады" - заявил он.

"Очень приятно познакомиться",отвечаю ему спокойно,а у самаго холодок страха,быстро пробежал по организму.Он вылавливает разных дезертиров,а дезертир,вот,стоит перед ним и... сам пришел в его штаб.

Надо уходить.И уходить как можно скорее.Но уходить умно.

"Так у Вас может-быть есть такая карта? Я с Урала.И здешняя местность мне не знакома" - спрашиваю,а сам молю Бога,что бы такой карты у него не было.

"Н-не-ет... такой карты нет.И я,даже,не знаю - есть-ли она вообще? Помочь Вам не могу.Будьте сами осторожны",отвечает он,а сам,взглядом,испытывает меня.

Вопрос исчерпан.Надо уходить.Он провожает меня до ворот и я с ним говорю уж о погоде.Выйдя на удицу - пошел тихо к вокзалу,не оглянувшись ни разу,что бы не показать вида,что я не тот,за кого выдаю себя.

Выскочил... будь ты проклята географическая карта красной России! Ждать поезда осталось еще 12 часов.Обеденное время.Тепло.Иду за город, где-то на полянке раскинул шинель,ложусь на спину и смотрю в небо.Лежу,смотрю,а сам все время думаю о станице,о семье - бабушке,матери и сестрах.

Насколько-же времени я бегу? Когда-же я их повидаю? И повидаю-ли? - От этих дум мне становится так нудно тоскливо,что почувствовал - если я еще останусь так лежать и думать - я задохнусь...Что-то подошло к моей гортани и придавило.Не смерть-ли?- думаю.Вскакиваю на ноги,беру свои вещи и иду быстро-быстро куда-то...Что-бы убить время - зашел на постоялый двор и что-то покушал.И как я был рад,когда подошел мой поезд,идущий в Мурманск.

В ПЕТРОЗАВОДСКЕ.НЕОЖИДАННЫЯ ВСТРЕЧИ С КУБАНЦАМИ.

Здесь мы едем в 3-м классе,что приятно.Едущих много.Много матросов. Они веселы.У них гармоника.Всех они называют "братушка",но не "товарищь

Мне это нравится.Значить,революционная дурь испарилась,видимо,после Кронштадскаго возстания,о котором мы слышали мельком,но почему-то - не верили этому.

Поезд идет по сплошному лесу.Большая остановка на Лодейном Поле. В Петрозаводск прибыли днем.Это моя конечная станция.Старый русский город меня заинтересовал.Он очень расбросан.Много длинных краснаго кирпича зданий.Видимо заводы.Беру извозчика и еду в "советскую гостинницу". Они безплатны для командированных,"вот как я"...Она находится на чистой улочке,впадающей в Онежское озеро.Заведующий проверил мои документы, нашел их правильными и отвел комнату "на трех человек".

В гостиннице довольно чисто.Порядок.Я доволен.Отсюда до Финляндии чуть больше ста верст.Ур-Ра-а!... Я почти у цели.А главное - совершенно неведомом крае,где меня никто не знает и н е у з н а е т.Я спокоен.

Хочу посмотреть город.Иду по улицам вольготно,как студент,прибывший "на изследование" разной растительности в этой губернии.Онежское озеро, словно море.Противоположные берега чуть видны в мареве.С озера дует холодный ветерок.Случайно попадаю на кладбище.Оно на холмах.Обращаю внимание,что здесь много богатых надгробных памятников и крестов.Обхожу их и читаю надписи.Вместе с безконечной грустью - они напоминают мне и былую жизнь России.Вот они:

"Здесь покоится мичман /такой-то/,погибший при корабельном крушении".

"Здесь покоится жена Надворнаго Советника".

"Спи друг-касатик,я никогда не забуду тебя".

Много изречений жутко-острых,нежных,чистых,благородных,полных тоски и любви по усопших и погибших.Читая все это,я так разчувствовался по семье,которую может быть уж никогда не увижу в этой жизни,что,просто,напряг все свои духовныя силы,что бы уйти от столь трагических мест вечнаго упокоения чужих мне людей,боясь,что в тоске по родным,я упаду на траву и зарыдаю...

Вечером вышел на главную улицу,где происходят гуляния молодежи.Мне показалось странным,что среди гуляющих есть молодые люди в гимнастерках при казачьих поясах,в галифе, в сапогах, но в кепках блином.Они гуляют с барышнями,активно разговаривают и движения их были более живые,чем у другой молодежи в штатском.

"Не Кубанцы-ли?...Может быть это красные Кубанские казаки здесь? Надо быть осторожным",пронеслась мысль и я ушел в гостинницу.

Вечером узнаю - что бы выехать из города,надо брать разрешение в каком-то правительственном учреждении,кажется в городском совете.

На завтра была суббота.Утром иду в этот совет.В приемной комнате густая толпа.В ней вижу типичнаго станичнаго парубка лет 16-18-ти.Он в бордовой плюшевой рубашке-бешмете под серой станичной куртке с красными петлицами,смугл лицом,на верхней губе пушок пробивающихся усов.Заключаю - он не только что Кубанский казак,но он Черноморский казак.Что за оказия? Надо узнать - кто он и почему здесь?

В толпе,словно незаметно,протискиваюсь к нему и,как бы неожиданно, удивленно,спрашиваю:

"Што?...с Кавказа?"

"Та с Кубани".. совершенно безразлично отвечает он и отвернулся от меня.Меня это не удовлетворило.Получив право на выезд из города,выжидаю его у выхода.

"Так ты говоришь - с Кубани!.. Давно оттуда?Как там - спокойно?" - закидываю удочку для начала разговора.

"Та було спокойно,а тэпэрь с гор выйшов якыйсь бандыт Хвостыков и опять стало ныспокойно" - лениво,нехотя,отвечает он."Бандит Фостиков", это один из доблестнейших генералов Кубанскаго Войска,возмущаюсь я.

Я не уловил в его словах и в интонации голоса - считает-ли он генерала Фостикова "бандита" по красной термилогии иль,вообще,он совершенно не знает - кто таков Фостиков? В данном случае - мне важно узнать - как попал сюда такой молодой Кубанский казаченок? И от него узнать - что-же произошло на нашей Кубани-Матери,которую я покинул год тому назад? И,хотя,он не словоохотлив и мое "приставание" к нему с вопросами о Кубани ему,вижу,не нравятся - из коротких ответов узнаю: - его "батько", за невыполнение "продналога" /продовольственный налог/ сослан сюда;и он, сын,приехал сюда с постановлением станичнаго совета "освободить отца". Они станицы Павловской Ейскаго Отдела.Я выражаю желание повидать его отца,т.к.-"у мняя есть родственники на Кубани" - вру ему,но он отвечает: - "хай краще завтра... Батько прійдэ в Собор...Він ходэ в цэркву кажнэ Воскрэсэння... там тоді і побачытэсь з ным".

- . -

На следующий день,в Воскресенье,у городского Собора,жду встречу.Вижу вчерашняго хлопца и рядом с ним типичнаго Черноморскаго казака с окладистой бородою,в тужурке,в папахе,в сапогах.Встретились,поздоровались. Старику,думаю,нет и 50-ти лет.Средняго роста.Скромен.Он сразу же сказал мне,что я хотел его повидать и поговорить,но,это после церковной службы.

Служба окончена.Идем к ним,где он живет.А живет он в Комендантском управлении.Он совершенно свободен,но должен работать на берегу озера по погрузке и разгрузке пароходов.

Когда мы подошли к Комендантскому управлению,и я хотел распрощаться, что бы не заходить мне в это опасное для меня учреждение - старик просил зайти к ним в гости и там поговорить.Я немного замялся,но отказаться,значить чего-то бояться.А я так хочу знать хоть кое-что о своей Родине Кубани.

Длинный одноэтажный дом без ограды вдоль улицы занимает это Комендантское управление.Настеж открыте ворота.Пройдя широкий двор - вошли в длинное узкое помещение,видимо,бывшее для прислуни былого хозяина.Здесь и живет этот сосланный с Ку бани казак за невыполнение "продналога".Оказывается сюда сослана и одна вдова-казачка за то-же.Ей лет 45.Средняго роста,щупленькая,в обыкновенной длинной станичной юбке с фартуком и с удивительноласковыми нежными голубыми глазами.Она обязана стирать белье всем чинам управления,что и выполняет.Они оба не только что казак и казачка одной станицы,но и сосеци в ней.За нею так же приехал сын-студент с постановлением станичнаго совета,ходатайствуя об освобождении.Интерес свой о Кубани я об,яснил тем,что там замужем моя сестра /вру им/ а сам я студент из Екатеринбурга.

Как люди простые и так-же давно с Кубани - ничего особеннаго они мне не разсказали.Узнав,что сын вдовы студент - мне бы хотелось с ним встретиться,который, конечно, о Кубани может мне больше разсказать.Он в городе и скоро вернется,сказала мать.Действительно,очень скоро появился видный молодой человек лет 25-ти с мужественным лицом,в студенческой тужурке,черные брюки вобраны в приличные сапоги.Он смуглый.Поцеловав мать-меня представили ему.Остро посмотрев на меня - он спросил:

"Откуда Вы? .. Кто Вы?"

Его,видимо,удивило,что неизвестный человек вошел к ссыльным,сидит здесь с ними и о чем-то говорит.

"Студент Екатеринбургскаго Унивеситета" - отвечаю,

После некоторой паузы,вновь посмотрев на меня,спросил:

"Какого курса?... Зачем сюда командирован?"

"Перваго курса"отвечаю."Командирован сюда для изследования лесной подпочвенной растительности",отвечаю так,как указано в моем документе.

Со стариками я сижу на одной длинной лавке,лицом во двор.Студент еще стоит,но против своей матери,а я сижу вдали от дверей.Мне показалось,что на мой последний ответ он улыбнулся.Сделав паузу,он вновь спрашивает-допрашивает:

"Если Вы студент 1-го курса,то как же Вас послали -для изучения- подпочненных образований?...Вы-же в этом еще ничего не понимаете!.. А потом - почему Вас послали в Олонецкую губернию,когда на Урале лесов сколько хочешь?Э"

Слушая его,я понял,что я попал в такой просак,из котораго совершенно не выберусь.И если начну доказывать,то запутаюсь окончательно.
Отвечаю,что - хочу,просто,попутешествовать... а наш Университет,идя навстречу,дал мне на каникулы такую командировку.

Студент опять молчит,а я чувствую,что он совершенно не верит моим словам.Молчание становится тягостным.Я вновь проклинаю себя - зачем я вошел сюда?... в это комендантское управление к ссыльным Кубанским казакам.После новой длинной паузы,,вдруг студент говорит,смотря на меня:

"У Вас казачье лицо...Вы не казак-ли случайно?"

Услышав это,я почувствовал,что скамейка подо мною,будто зашаталась и мое тело немножко осело...

"У меня мать казачка... Оренбургская... это,ведь,близко к Екатеринбургу" - отвечаю и,вижу,что мои лживые слова,вызвали улыбку на лице студента.Он,даже,как то загадочно "шмыргнул" в нос и уж громко,насмешливо, произнес:
"А мне кажется,Вы не только что казак,но Вы есть Кубанский казак!"

Студент попал мне в самый глаз.Я чувствую,что и старик-казак,и мать студента,так же видят во мне своего Кубанскаго казака,но молчат,а студент вот,по своей штатской несдержанности - буквально "ударил" сплеча.
Вся моя воля и мысль направлены к тому,что бы не растеряться и невыдать себя.Мало-ли что,что этот студент есть природный Кубанский казак, по может быть он из сочувствующих красной власти?...Может быть эта "народная власть" гораздо ближе и дороже ему,чем вот этот сидящий здесь Кубанский офицер - думаю я.Ну,возьмет,да и выдаст.Кстати,мы находимся в зданнии казеннаго учреждения.Стоит ему только крикнуть через двор дежурному писарю Комендантскаго управления.И если я скрываю свое настоящее происхождение,то,видимо,не спроста-же!

"Это Ваше дело предполагать,что я есть Кубанский казак,но я есть студент Екатеринбургскаго Университете" - уже зло отвечаю ему,что бы отбить охоту допрашивать меня.

"Та оставь,Ваня,чуловіка... чого ты пристав до його?" - вступилась за меня его мать.И он меня "оставил".Наступило молчание,то неловкое молчание,когда становится тяжко на душе.Я нахожу,что мне надо уходить отсюда и уходить немедленно-же.Молчание давит всех.

"Прчему их до сих пор нет?... обещали быть к 11-ти и их нет" - тихо говорит студент своим,уж совершенно не обращая внимания на меня.
"Кого-же они еще ждут?"..как бы не попасть на новую неприятность"- думаю.Студент мне уж не нравится.Если он опознал во мне своего-же Кубанскаго казака - он не должен был так меня допрашивать.Если-же я признаюсь

им "кто я" - я не уверен, по меньшей мере, что студент- сделает такой упрек:- "Вот Вы, офицеры, бежите за-границу, спасаетесь, а простые казаки, вот старик и моя мать-вдова, должны страдать здесь.. и может быть из-за Вас, офицеров, проигравших войну ... так не лучше-ли, господин полковник, представить Вас местной власти"...И пока я этак думал несколько минут, в сенях послышались шаги и в нашу комнату, с вопросом "можно?" - вошло два человека. Они весело, радостно, как свои, за руку поздоровались со всеми, а здороваясь со мною так-же за руку - остро посмотрели в мои глаза. Они в холщевых серых гимнастерках при казачьих поясах, в галифе и в приличных сапога, На головах спортивныя ленния кепки. Вид молодецкий, подтянутый. Сели и сразу-же заговорили о Кубани.

"Ах, Кубань, Кубань!..Где ты?" - вздыхает высокий молодой человек с оч, нежным, почти девичьим лицом, вижу, совершенно интеллигентный. "А нельзя-ли тетенька, нас запаковать в чемоданы, иль ящики, и посылкою отправить на Кубань?" - острит он. На его слова, все весело смеются.

"Почему-же Пети нет?" спрашивают они. Я вижу, что здесь состоится какое то собрание знакомых людей. И эти двое, явно, Кубанские казаки. Но кто они? Они так чисто одеты! Может быть комиссары с Кубани? - предполагаю.

У меня внутри образовалось какое-то безвоздушное пространство. Чувствую, что попал, словно, в западню. Надо уходить как можно скорее, до прихода еще "какого-то Пети" Я хочу уйти и не знаю - как это начать.

"Извините...Вы будете полковник Елисеев?" - повернувшись на лавке ко мне всем своим телом, спрашивает второй, меньше ростом, хорошо сложеный мужчина лет 30-ти. Что-что, но такого прямого вопроса я никак не ожидал. Кто-же он? - я не знаю.

С самаго начала своего замысла бежать за границу - я твердо решил никому об этом не говорить, а получив подложный документ - так же решил твердо непризнаваться - кто я в действительности.

"Нет... Вы ошиблись" - отвечаю.

"Да как-же?..Я вас отлично знаю. Вы поднимали возстание в Кавказской в 18-м году.. и с конным отрядом прибыли в станицу Казанскую.. а мы, Тифлисцы - целою сотнею прибежали к Вам с полковником Карягиным - помните. И я там был в своей сотне. Я хорунжий Саморядов. После возстание, Вашего папу разстреляли красные. Потом я был у Вас в Кавказской. Ваш дом на Красной улице. У Вас две или три сестренки. И два брата офицера. А когда Вы командовали нашей 2-й дивизией на Черноморском Побережье, с Вами была одна Ваша сестренка, забыл, как ее имя. Она была в черкеске, с бритою головою, как говорили, после тифа. В сегда была с Вами впереди казаков и все мы считали, что это Ваш младший братишка" - разсказал так подробно этот хорунжий Саморядов, казак станицы Тифлисской, котораго и я теперь опознал.

"Ваши предположения для меня очень странны".. отвечаю ему, а сам не знаю - хорошо-ли я это делаю иль плохо? И хорошо-ли это выходит у меня т.е. "незаметно" иль очень искуственно? Одно я знал - кто бы они не были, но свое доподлинное имя я должен скрыть, т.к. по-русской неосторожности, возможно от радости, от такой сенсации, они могли проговориться кому-то, что: - "Здесь полковник Елисеев...он бежит в Финляндию"..а власть, подслушав их - заставить указать - кто это полковник Елисеев?..где он?..и они, под страхом наказания, выдадут. И ненужно быть проникновенным, что бы не понять, что полковник Белой армии, по паспорту студента, с Урала достиг пограничной Олонецкой губернии, явно, бежит в Финляндию

"А я хорунжий Сосновский...Наша 5-я Кубанская батарея была в Вашей дивизии", вдруг вторит высокий блондин с девичьим лицом. "И я Вас отлично

знаю,господин полковник".

Я с Урала... и то,что Вы говорите - для меня все непонятное и чуждое", отвечаю им и боюсь,что они встанут и скажут мне:- "Да бросьте,господин полковник отнекиваться!.. и не бойтесь!.. Разскажите - как Вы здесь?" И тогда,может быть,под влиянием таких дорогих и родных мне чувств своих офицеров - мог и признаться.Но я сдержался.Все замолчали.Что они думали,не знаю,но после короткаго молчания,хорунжий Саморядов /из урядников/,уже тихим голосом говорит:

"Интересно - где теперь генерал Морозов,что сдал нас?..Говорят,что они /т.е.красные/ его разстреляли.С ним сослали очень много полковников и никто не знает - где они?"

Эти слова Саморядова очень подкупили меня.Если бы в этот момент они вновь обратились ко мне - я,кажется,не выдержал бы и признался бы им. И разсказал-бы,что красные никого не разстреляли из группы Морозова,все живы,все на Урале,а генерал Морозов в Москве,в Академии Генеральнаго Штаба читает лекции.

Саморядов сказал это так искренне-жалостно,сочувствуя всем нам,и болел за нас,что не могло быть сомнения - они оберегли бы меня и здесь. Но я боялся студента.А потом... потом голос разсудка твердил мне - продолжать скрывать себя до конца.

"Ну,позвольте откланяться.. мне нужно идти" - говорю им и умышленно начинаю прощаться со всеми за руку,медленно приблизившись к ним.

Все встали.Прощаясь,Саморядов и Сосновский глубоко посмотрели в мои глаза,как бы спрашивая: - "Ну признайтесь,господин полковник?.. Порадуйте нас!"

Посмотрел и я глубоко в их глаза.И не признался.Спокойным шагом иду через широкий двор не оглядываясь,зная,что все они,через окна,смотрят мне вслед. Выхожу на улицу,иду тихо до перваго угла,а потом,тяжело передохнув и,как бы,сбросив всю тяжесть пережитых минут - зашагал крупно,и не оглядываясь,к себе в гостинницу.

В ОЛОНЕЦКОМ "СОВ-НАР-ХОЗЕ" /т.е.Совет Народнаго Хозяйства/.

Утром следующаго дня,в понедельник,иду в "СОВНАРХОЗ" Олонецкой губернии,попытаться получить "открытый лист" до Олонецка на право пользования почтовым трактом. Надо было запастис такими документами,по которым я направлялся в определенный пункт.Главное - ближе к Финской границе. И может быть там,я могу увидеть карту губернии,что бы знать - где-же проходит осударственная граница?

Я там.Мен принимает Председатель - приятный интеллигентный блондин лет 30-35-ти,одетый в приличный штатский костюм.Представляюсь,показываю свои документы и,как командированный с научною целью студент - прошу выдать мне открытый лист на почтовые прогоны до Олонецка,до коего чуть свыше ста верст.Он куда то звонит,приходит писарь,ему передается распоряжение, а меня просит подождать здесь.

Входит какой то мужичек и подобострастно поклонившись председателю, говорит:

"Барин... я принес починенные туфельки Вашей сестрице".

Такое обращение меня и удивило и порадовало.Здесь,значит,революцией и не пахнет.Пока они там разговаривали - я увидел карту,исследовал границу по ней и избрал путь на Тулмозерский завод,который отстоял от границы в 6-ти верстах..

Получив документ - спустился вниз.Во дворе стоит тот мужиченко-сапожник,у котораго я спросил - кто этот председатель?

"Это хороший барин.Он и раньше служил здесь агрономом.Наш,городской", ответил он безхитростно.

На душе повеселело: - неперевелись еще добрые люди и в красной Руси.

НОВЫЙ РИСК. ВСТРЕЧА С ОФИЦЕРОМ-СТАНИЧНИКОМ.

Цель моего побега за границу была: - пробраться в Казачий Стан Русской Армии генерала Врангеля и продолжать вооруженную борьбу против красных, для освобождения своего Отечества. Думалось тогда, что с весною, Белая Армия где-то высадится и перейдет в новое наступление. При таком наивном мышлении, я имел при себе черкеску, бешмет /подарок генерала Хоранова/, папаху, бриджи на очкуре, пояс, но никакого оружия. Я не отдал себе отчета - какому подвергался риску, по документу студента из Екатеринбурга, иметь при себе полный костюм Кубанскаго казака. Но теперь, когда я должен совершить свой путь пешком, по лесам, понял, что - в случае ареста и обыска, эти вещи выдадут меня "с головою". Куда же их деть? Оставить в гостиннице невозможно. Бросить в Онежское озеро еще опаснее. И я решил переслать в семью на Кубань через ссыльную казачку-вдову, мать студента.

Запаковав в мешочек, написав адрес - иду вторично в комендантское управление, зная, что в рабочий день вчерашних гостей-кубанцев не будет, а старик-казак будет так-же на работе по разгруке барж иль пароходов на озере.

Казачка отправляла свою работу под сараем - стирала белье чинам комендатуры. Во дворе никого. Увидев меня, быстро бросила стирку, на ходу вытерла руки о фартук и обращаясь ко мне, так ласково, так нежно произнесла с материнской улыбкой своих голубых глаз несколько слов:

"Йдить в хату... там Вам нысьмо йе"...

Письмо мне?... от кого-же оно быть в такой дали от Кубани? - думаю. Вошли в хату и она, наша родная Кубанская казачка, что бы не замочить это письмо своими еще влажными пальцами - держа его за уголок передает и призносит мягко улыбаясь, смотря мне в глаза:

"Нат-тэ...тiкы шо Вы ушлы, як прiйшов вiн... йому розсказалы про Вас... вiн жалiв шо нызастав Вас i напысав цэ.. просыв пэрэдать як Вы прыйдэтэ".

Не только безо всякой радости, но и с опаской беру письмо "без адреса", вскрываю и читаю:

Дорогой Федя .

Я задержался вчера и не застал тебя..Но тебя опознали. Не бойся. То наши люди, Кубанские казаки, хорунжие Саморядов и Сосновский. Я так жалел, что опоздал. Они не сомневаются, что это ты. И если это так, то обязательно зайди ко мне в Управление Карельской коммуны и спроси меня. Я служу там переписчиком.

Твой станичник, хорунжий Петя /следует фамилия/.

Сомнений не было. Это был мой станичник, котораго хорошо знал с малых его лет. Он гораздо моложе меня летами. Единственный сын у богатых родителей. Даже, сватался за нашу Надюшу, но ему отказали.

Словно ничего не случилось - я передаю посылку, благодарю за внимание, прощаюсь и ухожу под ея ласковым приятным материнским взглядом родной Кубанской казачки, всем своим существом и изболевшею душею понимающей меня, мое горе, мой риск.

Иду и нахожу "Управление Карельской коммуны". Но возле нея толпа женщин, что то протестующих. Часового с винтовкой на веревочке и в валенках /хотя было и сухо и очень тепло/ - сни не слушаются и кричат что-то.

Несколько рабочих стоят в стороне, подбадривают баб.Вдруг из-за угла показалось человек 30 в штатских костюмах,в кепках-блином,с винтовками "на плечо",но к моему удивлению - они шли отчетливо в ногу,чисто по-военному.Выстроившись против баб в одну шеренгу и взяв винтовки "к ноги" - их начальник,так-же в штатском,громко заявил бабам,что если они не разойдутся - он будет стрелять...И бабы,уже под несмелые протесты,стали расходиться.

"Кто эти с винтовками?" спрашиваю рабочаго.

"Финские коммунисты... бежали из своей Финляндии,а тут распоряжаются как у себя дома"- ответил он.

Видя эту картину,у меня мелькнула мысль - заходить иль нет?Ведь я вновь иду в пасть зверя!.. А вдруг там зададут вопрос - почему Вы спрашиваете сосланнаго сюда офицера Белой армии с Кубани,когда Вы сам из Урала?Кто Вы таков? И какая у Вас связь с ним? Но желание было настолько сильно повидать и поговорить со своим станичником,что - я вошел.

Длинный,широкий,с высоким потолком полутемный корридор.Пройдя его - вошел в канцелярию широко открытых дверей.За разными столами сидят человек 8 в штатских костюмах и что то пишут.На-лево,за столом сидит с лохматой шевелюрой один из них и к нему,как ближайшему,обратился я со следующим вопросом:

"Можно-ли видеть товарища /назвал фамилию станичника/?"

Чин лениво посмотрел на меня и кивнул головою в сторону другого типа.Тот,также с кудлатой шевелюрой быстро встал из-за стола,подошел ко мне,энергично взял меня под локоть и произнеся лишь одно слово "ПОЙДЕМ", насильно,скорым шагом потянул в пройденный мною корридор.

"Арестован" - мелькнула мысль.И как только мы миновали дверь - слышу:

"Здравствуй Федор Иванович.. я вывел тебя сюда что бы они ничего не знали.А теперь подожди здесь,я спрошу у председателя отпуск".

И только теперь,в этом штатском человеке с длинной шевелюрой,я узнал былого чистенькаго,вежливаго и всегда хорошо одетаго в черкеску станичника.

Его отпустили сразу.Мы идем на его квартиру.По дороге он быстро рассказывает,что сюда,в Петрозаводск,сослано около 80-ти Кубанских офицеров,больше молодежи.Сидели в лагерях.1-го мая,их освободили.Как грамотных людей,разсовали по разным учреждениям.Живут свободно на частных квартирах,получают паек,но ежедневно,вечером,должны являться в "чека" для контроля.Живется им не плохо,но тоска по Кубани - заедает всех.Они часто встречаются и живут дружно.Вчерашнее мое появление произвело сенсацию.

"Тебя опознали,Федя,но ты вел себя так независимо,так хладнокровно, что и Саморядов и Сосновский,под конец,усумнились: - "Да полковник Елисеев-ли это?!"

Он же,пять минут спустя,пришел туда,когда я вышел.Описав все мои приметы,он за-глаза признал меня.Бросились искать меня по городу.Они догадались,что я бегу за границу.Искали везде,но никак не могли додуматься,что я остановился в казенной советской гостиннице,где так строго проверяют документы и которых только две на весь город.

Мы были несказано рады нашей встрече и торопились к нему на квартиру,что бы вдали от посторонних глаз,поговорить по душам.Он снимает комнату о пожилой вдовы,и сразу же сказав,что "это свой" и весело,как ея сын,просил приготовить что закусить и чай.Я его цукаю за такую откровенность обо мне с хозяюшкой,но он успокаивает,говоря,что советскую власть здесь все ненавидят,а их,белых офицеров - принимают здесь как героев. Хозяюшка,действительно,просто "раскудакталась" во внимании ко мне.Но при всей искренности хозяюшки,я категорически запретил ему сказать - "кто я".

Мне предстояло провести еще одну ночь в казенной советской гостинице и осторожность у меня была на первом плане.

Станичник мало знает о пограничных красных войсках,но слышал,что граница с Финляндией охраняется сильно.И только недавно туда направлены дополнительные войска.Из них никто не собирается бежать в Финляндию.

Наговорились... и условились,что завтра он проводит меня за город.

— • —

Утром 29 мая,расплатившись в гостинице,зашел к нему и вдвоем вышли за город,прошли одну версту по шоссированой дороге на Олонецк,остановились и присели у обочины под кустом.Для пешаго движения,у меня оказался большой багаж.В чемодане пара белья,мука,сухари,сахар от станичника. В красной России купить было негде и питание всяк возил с собою.Отдельно сумка сухарей.При мне широкая длинная солдатская шинель "от курсов". полностью заменяющая бурку.На мне кожаная тужурка.Он влюбленно смотрит на меня и не знает - чем и как помочь мне.Как офицер-пластун,находит, что все мои вещи надо приспособить для удобства движения в походе,который продлится несколько дней.Из шинели он делает "скатку через плечо". Сумку с сухарями приспосабливает за спину,как "пластунский сыдір",т.е. как вещевой пластунский мешок.Но чемодан нужно нести в руках.Первый переход до Карельскаго села Половинное,насчитывает 24 версты.

Приспособили багаж,сняли его,вновь присели и говорим,говорим....

"Петя... Ты единственный человек с Кубани,видящий теперь меня в последний раз",говорю ему. "Дня через 4 - 5 - я должен перейти границу. Перейду-ли я ее благополучно - не знаю...Но одно знаю,что если меня поймают - разстреляют на месте... Жди... если дней через пять ничего не будет слышно от меня - признак будет плохой... Но если ты прочтешь в газете через те же пять дней,что на границе пойман какой-то белобандит, хотевший перейти границу и был разстрелян на месте - то это буду я.

С последняго пункта я пришлю тебе открытку.В случае моей гибели - сообщи в станицу родным,что - п о г и б з а К а з а ч е с т в о.

Он смотрит на меня и говорит,что у меня "очень военный вид".Все защитнаго цвета,в сапогах и,даже,казенная военная фуражка.При этом,быстро снимает свою темно-серую клетчатую штатскую фуражку и одевает мне на голову,а мою берет себе.

"Ну...вот!..это уже лучше!... Возьми ее!" - весело бодрит он меня.

Сердце больно ныло.Разставаться не хотелось,но разставаться надо было.

"Я пойду,Петя... не м-могу... извини дорогой.Не забудь мои слова.Ты единственный здесь человек с Родины.Прощай,дорогой. Встретимся-ли еще когда-либо?!"...

Оглянувшись по сторонам и убедившись,что никого нет кругом - мы крепко коротко обнялись.Приспособив на себя всю ношу,и еще раз пожав друг другу руку - я быстро зашагал вперед.На повороте дороги оглянулся. Мой станичник хорунжий-пластун стоял на том-же месте и печально глядел мне вслед.Коротко махнув ему рукою,дескать: - "прощай еще раз!" - я скрылся за поворотом.

Теперь я остался совершенно один,предоставленый полностью собственной участи,собственным силам,совеошенно неведомой судьбе...

В декабре 1964 года я получил письмо от одного станичника,что этот офицер-пластун,после ссылки,был отпущен в нашу станицу и разсказал кому надо о том,что я написал только что.Запоздалая радость....

В К О Р Е Л И И . . .

Первыя верст пять я шел хорошо,легко,с под,емом,но потом мой багаж стал давать себя чувствовать.В особенности мешал чемодан с продуктами. Мы,какалеристы,не привыкли и не любили ходить.Натер ноги.И только к 10-ти часам вечера,вошел в село Половинное.

Карельские села совершенно не похожи на русские села.Это несколько деревяннных рубленых домов иль хат,широко раскинутых вдоль дороги.В каждом селе есть "десяцкий".На его примитивных воротах висит крупная медная цепь с бляхой.Это внешний атрибут его власти.Я быстро нашел это начальство села,показал ему свои документы,просил ночлега и двуколку на завтра для дальнейшаго пути.Покушав - заснул как убитый.

Утром следующаго дня,на удобной двуколке с хорошей лошадью - двинулся в следующее село Пряжское.Мой путь "для обследования лесной растительности",как сказано в документе,лежит к Тулмозерскому заводу,что на границе с Финляндией,потому я и веду себя соответственно с сельским десяцким.

Карелы,как и финны,имеют праздничные выезды на удобной рессорной двуколке в одну лошадь без дуги.Это и есть те "почтовые лошади",на пользование которыми я так легко получил право в Петрозаводске в губернском совете народнаго хозяйства,сокращенно - СОВНАРКОМ.

Кучером была жена десяцкаго.Карелы плохо говорят по-русски,а женщины почти совершенно не говорят,почему этот прогон прошел молча.

В Пряжском получив новую двуколку - в тот-же день добрался до села Мальга.

Я торопился... я торопился как можно скорее добраться до Финской границы и только там передохнуть.

Чем дальше я удалялся от Петрозаводска,тем села становились беднее. К тому-же,шоссированая дорога на Олонецк отклонилась почти на юг,а мне надо двигаться на запад и по проселочным дорогам.

В селе Мальга у десяцкаго не было двуколки и он предложил мне вести мой багаж на лошади а нам идти пешком.Пришлось согласиться.И мы,с лошадью в поводу,тронулись не дорогою,а кратчайшею тропинкою по лесу на село Краснозер.Этот карел оказался разговорчивым,ругал советскую власть, чем радовал мою тоскующую душу.

В Краснозере большой привал у новаго десяцкаго.Его нет дома.Он работает в лесу.Послали за ним.Я кушаю за столом,а его жена,очень молодая женщине,взяв ребенка из люльки,совершенно запросто разстегнув свою кофточку,опростила пышную молодую белую грудь и воткнула ея сосок в рот дитяти.

Пришел из лесу хозяин.Я показал ему документ.Он молча вышел,запряг лошадь и отвез меня в следующее село Штеккела,прямо к десяцкому.Село это большое.Десяцкий был богатый карел.Он накормил меня и дал удобный кров на ночь.Узнав кто я и куда еду - он говорит,указывая на мою кожаную тужурку:

"А эту сними... а то мужики,в лесу,топорами зарубят"...

"Почему зарубят?" - спрашиваю.

"Так ты-же партийный... вот и зарубят" - твердит он.

Отвечаю ему,что я не партийный,а студент.

"А это-то?... кожаная тужурка?... рази/разве/ мы не знаем,што ее носят только партийные?!

Доказал ему,что я не партийный.Поверил.Но добавил:

"Ну,смотри-же... верю... а то - они,ведь разорили нас.Все берут у крестьян... А какой у нас хлеб?!.. Ведь живем в лесу!Лес не выкарчуешь - хлеба не по лучишь.Да и корчевание... его,ведь,годами делаешь!"- поясняет он мне.

3-яго июня выехал в сел.Ведлозер.Оно лежит у берега озера того-же

названия.Здесь я отдыхаю и пишу прощальные письма в станицу и в Петрозаводск стачнику, что - я почти у цели...

К полудню следующаго дня прибыл в с.Палалахти,расположеннаго на высоком берегу Тулмозерскаго озера. Меня привезли прямо в какую-то,в роде, "общественную квартиру",которую содержит вдова-карелка.У нея много детей.Почти все девушки.Ея фамилия "Русских". Молодая и очень приятная старшая дочь лет 24-х,подходит ко мне и спрашивает - куда я еду? Отвечаю - студент,в командировке,еду осмотреть Тулмозерский завод.От нея узнаю,что Финская граница от завода отстоит в 6-ти верстах.Что-бы разузнать все подробно, - для их детей даю немнго муки,сухарей и сахару-песку.Оказалось,что вся их семья активные красные.Года два тому назад,когда финны заняли часть Карелии - они разстреляли их отца,председателя совета и ея мужа.Она теперь вдова... семья большая.. все едят... но им помогает власть,как пострадавшим за революцию.На ней я вижу приличную широкую юбку,хорощую кофточку,а но ногах боксовые ботинки.Она одета,почти,по городскому.Я говорю ей,что по ея костюму не видно,что бы семья нуждалась,а она,наивно кокетничая,поясняет,что финны-комунисты и местные карелы,часто ходят в Финлянндию тайком и оттуда приносят контрабандой ситец,бокс,готовые костюмн,ботинки и пр.,чего в Финлянндии очень много...ну и дарят им,вдовам,иль продают им дешево.

"А не опасно проходить границу?" - затаенно-любопытно спрашиваю я ласково улыбаясь,а сам весь напрягся,что бы не пропустить не единаго ея слова,ни единой мимики ея лица.

"С нашей стороны нет... свои везде... но с финской - опасно.Финны злые... стреляют... но наши знают секретныя дорожки... да и там есть у нас свои люди... проходит все хорошо. Я часто получаю подарки" - закончила она безхитростно.

Узнаю дальше,что в их селе стоит "центральный пост чека".Чекисты часто заходят к ним в гости.И,как нарочно,в это время зашел сюда какой-то чин - высокий,сухой,широкий в плечах блонди,с жестоким рябым лицом и какими-то начальническими красными нашивками на рукавах гимнастерки. Хотя он не обратил на меня никакого внимания,но его появление здесь мне не понравилось.А эта молодая вдовушка,немедленно встала и как пташка подошла к нему.Я не мог слышать,о чем они говорили.Перебросившись несколькими фразами - он вышел,а "пташка",вновь подпорхнула ко мне и обласканная моими подарками - вновь защебетала.

Их дом,словно,громадный деревянный сарай под высокою крышею без потолка,где несколько перегородок и где все их хозяйство.Уютно,широко, чисто и просторно.От нея узнаю,что прямо по главной дороге в Финляндию, границу делает маленькая реченка.На ней мост и там сильный наш караул. По дороге до границы,18 верст.Дорога проходит мимо Тулмозерскаго завода, но на него не заходит.Почтовая двуколка ходит на Колозельгу,и если я хочу побывать на заводе - надо слезть у поворота и уже пешком идти на завод,по заводскому шоссе,всего две версты.Завод разрушен и там никого нет.Такое подробное ея щебетание пояснило мне все.Я был ей так благодарен в душе.Но она не отходит от меня и кокетничает определенно,вводя в соблазн... Этого еще нехватало перед решительным и ответственным прыжком в полную неизвестность,решил я и извинившись,что мне некогда,надо писать свои научные наблюдения... Она ушла.А свои наблюдения я записывал умышленно в тетрадь.В Петрозаводске,у председателя "Губсовнархоза" я попросил бумаги,что бы сделать тетрадь для своих путевых заметок. Он с удовольствием дал мне отличную белую бумагу финских фабрик и давая, улыбнувшись,произнес: - "Бумага Ц а р с к а я".Я улыбнулся так-же и поблагодарил за любезность.Из нея я сделал тетрадь в 50 листов,на обложке

которой демонстративно сделал такую надпись:

Т Е Т Р А Д Ь

для заметок по Олонецкой губернии и Карельской советской республике студента Уральскаго Государственнаго Университета /дальше моя новая фамилия/.

В ней ежедневно я давал "свои научныя заметки" в советском духе на тот случай, если бы я был задержан, то доказать "свою работу в командировке сюда".

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В КРАСНОЙ РОССИИ.

Как перед решительным боем - на ночь я выкупался в Тулмозерском озере, одел чистое белье, хорошо поужинал, весело поговорил с обеими хозяюшками-вдовушками так довольными за мои подарки и лег спать.

Утром 4-го июня, разсортировал свои вещи. С собою беру только шинель, кожаную куртку и сумочку сухарей. Все что осталось от с,естного - мука, сухари, немного сахара - уложил в чемоданчик. Я знал, что сюда уж не вернусь, почему прощаясь с ними, сказал, что бы они, до моего прибытия, "присмотрели-бя" за ним.

К 11-ти часам утра, к их дому под,ехала почтовая двуколка. Женщины удивились, что я беру с собою шинель, куртку и сухари, т.к. "по заданию", должен вернуться сегодняшже назад. Прясняю, что на заводе может быть холодно, а нет, то на полянке раскину шинель, что бы понежиться на солнышке и погрызть сухарики на лоне природы... На мои слова они весело улыбнулись, а когда двинулась лошадь, молодая-вдовушка, дочь, крикнула вслед - - "Да скорее возвращайтесь!" Я махнул ей сочувственно рукою, что, мол, "конечно!" - но сам точно знаю, что не вернусь назад уж никогда.

Еду и волнуюсь. Это моя последняя и решительная поездка. Сегодня я должен быть в Финляндии, или... дальше не хочу и думать. Я поставил свою жизнь на карту, это я знаю точно, потому я должен быть осторожным, энергичным, решительным.

Со мною какой-то попутчик. Он не разговорчив, я тоже. Завод виден издали, как мой первый этап. Проезжаем какое-то сельцо, потом речку по деревянному мостику. Навстречу идет двуколка. В ней, цыганскаго типа молодой красноармеец с красною звездою на фуражке. Проезжает и активно разсматривает меня, явно, как новаго и неведомаго человека здешних пограничных мест. Я его не боюсь, т.к. у меня все документы в полной исправности... Но я завидую ему. Он едет смело, как исправный служака, котораго никто не задержит, а я... а я вот должен через час времени окончательно разстаться со своим мирным положением, юркнуть в лес, и по-звериному, без дорог и троп искать себе спасения от красной власти, войти в чужую страну, совершенно не зная - что-же там меня ждет?!...

Вот новый мостик через речку.. Дорога сворачивает влево, на юго-запад. Возница говорит, что здесь мне надо слезать и указал на завод. Я его сам давно вижу. Он - моя исходная точка в неизвестность...

Слез. Иду по шоссированой дороге к заводу. Она поросла травою, как показатель заброшенности завода. Вошел в раскрытые ворота. Все разрушено. Был, видимо, и пожар. Все оголено и стоят только кирпичныя стены. Просторный двор устлан галышами. И здесь все поросло травою. Кругом ни души. Я вошел в мертвое царство. Вижу пожарную вышку-каланчу. По винтовой лестнице быстро взбираюсь на верх и осматриваю кругом местность, стараясь глазами нащупать так желанную мне границу, но... насколько хватал глаз - кругом лесь, пересеченная местность, не видно ни жилья, ни людей, никакого движения. Все - сплошное море леса. Боясь быть обнаруженным - сошел вниз и глухими постройками пройдя прямо на запад, почему-то, бегом, торопливо,

юркнул в глухой лес и... скрылся в нем.С этого момента и началась моя новая "одиссея" ровно до полуночи по лесным дебрям,в полной своей неопределенности и страхе...

Я ЗАБЛУДИЛСЯ. ВСТРЕЧИ С ЛЮДЬМИ. ДУШЕВНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ...

Базируясь на солнце - я взял путь прямо на запад.Шесть верст,думаю, пройду быстро.Вступив в лес,шагов через 50,почувствовал некоторую беспомощность.Стоят сплошныя сосны.Меж ними заросли.Под ногами мягкий мох. Огибая сосны,кустарники,нахожу,что если мой путь будет продолжаться в таких зигзагах - то он удвоится.Через полчаса встречаю просеку.Свернул на нее,иду немного на север.Через час новая просека.По ней сворачиваю на запад.Просека впирается в речку и заканчивается.Иду вдоль речки.Через кусты вижу две спящих фигуры.Огибаю их украдкой и продолжаю свой путь.

Я иду и иду,базируясь на солнце,т.е.иду,по моему,на запад.Солнце уж свернуло с полудня,но по местности вижу,что нахожусь еще в России,т.к. не прошел никакого рубежа,определявшаго бы Государственную границу.

Слышу звуки топора.Останавливаюсь,прислушиваюсь.Иду дальше и вижу крестьян-карел корчующих лес.Так хотелось подойти к ним,распросить о местности и хоть немного узнать - где-же я нахожусь?Но - осторожность у меня на первом месте.Обхожу их и иду дальше.Уже 5 часов вечера.Я в пути более трех часов времени.Думаю,что прошел уже не менее 15-ти верст, но никакого намека на границу не вижу.

Иду дальше.Начинает темнеть.Вот полянка и дорожка..Иду по ней и неожиданно наталкиваюсь на высокаго сухого старика с длинной седою бородок, в длинной холщевой рубахе до колен,в таких-же портках /штанах/,в лаптях.

Кто он? - странник,дервиш,лесной человек - не знаю.В руках посох-палка.Солнце уже заходит за горизонт.Скрываться от такой встречи было уже поздно.Да и надо выяснить - где-же я нахожусь?

Старик,увидев меня,осклабился и низко поклонился.Это мне понравилось.

"Где Тулмозерский завод?" - спрашиваю.К моему удивлению,он показывает рукою не на восто,а на юг.

"Сколько до него верст?"

"Восемнадцать" - отвечает.

Я его не понимаю.Если я прошел 18 верст,то я давно должен быть в Финляндии.И боюсь его спросить: - "Чья это земля?".А он,старчески улыбаясь, по моей кожаной тужурке,думая,что я партийный,говорит урывками фраз:

"Ты пойди в село... там совет... там можно переспать".

"Где село?.. чье?.. какой совет?" - забросал его,буд-то бы,"спокойно"

"Да там... две версты отсюда... наша... крестьянская село.. и в крайнем доме совет... внучка тебя проводит" - сказал и крикнул своей внучке-подростку,которая от меня спряталась в кустарнике.

"Ты карел,дедушка?" - спрашиваю.

"Да... карел,карел" - отвечает.

"А где Финская граница?"

"Там... далеко... восемнадцать верст",ответил он и показал рукою не туда,где садилось солнце,а по перпендикуляру к нему.

Только теперь я понял,какую совершил ошибку,идя на солнце.Я забыл, что на крайнем севере,солнце заходит не на западе,а на севере.Поэтому, от Тулмозерскаго завода я взял направление не на запад,а на север.Пройдя 18 верст,я еще дальше отодвинулся от Финляндской границы.

Своим ответом,старик буквально "убил меня".Мне показалось,что эта моя ошибка неисправима и я не доберусь до границы вновь без дорог,да еще с наступающей ночи. Но останавливаться было нельзя,а главное нельзя до-

пустить,что бы обо мне узнали в селе.Надо уходить и уходить в лесную чащу как можно скорее.Старик вновь подсказывает мне,где находится совет и внучка меня проводит туда.Я заговорил вновь о Финской границы,но старик,сделав строгое лицо,говорит:

"Туда не ходи... запрещено... там убивают".

Видимо,случаи поимков были,как и убийств на границе,заключаю.Но для меня иного исхода не было.

"Спасибо дедушка",говорю ему и,повернув прямо на запад,как указал он мне рую ю путь к границе - двинулся туда.

Я вошел в новую и более густую чащу леса.Сознание,что мне предстоит пройти еще 18 верст - испугало.Пройду-ли я их?Это,ведь,по прямой дороге 18 верст,а я должен пройти по лесу,зигзагами,встречая и препятствия.

Эта горечь сознания дала мне силу.И я,перекрестившись,двинулся.Заросли становились гуще и более дикие.Часа через два,уже с темнотою,уперся в речку.Она шумит,бурлит,но мелководна.По бережку,меж кустов,тянется тропинка.Я становлюсь на нее и иду вверх по течению.Дорожка извивается, потом уменьшается в своей "пробитости" и затем совершенно исчезает. Я в недоумении.Куда-же идти? Я не хочу отрываться от речки,считая,что идя по ней,я все-же что-то найду.- может быть хатенку лесника иль рыбака.Спускаюс вниз и по бережку,по песку,по камням иду по ней.Речка,вернее ручеек,быстрая,но такая мелкая и витиеватая в своем течении,что часто приходилрсь пересекать ее,т.к.пологий берег,часто переходил в обрывистый,на который не взобраться.

Я был счастлив тем,что попал в период "белых ночей",иначе идти было бы невозможно.

Иду-иду,больше смотрю себе под ноги,выбирая дорожку,порою перескакивая с камня на камень,что бы не мочить сапог.Вдруг,в полной ночной тишине,лес оглашается каким-то диким резким неприятным протяжным криком.Невольно остановился и вздрогнул.Что-бы это значило? - думаю.Во всяком случае это не крик человека.Стою и прислушиваюсь.Крик повторился и,как будто,ближе ко мне..Я прощупал свой перочинный ножичек и вынул его из кармана.Его я нашел в дороге здесь.Он совершенно не годен ни на что,т.к. его истертое от точения лезвие болтается в разныя строоны.Но я его подобрал "как оружие,на всякий случай"...И вот,случай самозащиты,видимо настал.Держа его в руках - двинулся вперед.Пройдя совсем немного - вдруг крик повторился так близко от меня спереди,и так дико гортанно-мычанно, по звериному,что я со страхом остановился,быстро поднял голову,стараясь как можно скорее увидеть этого зверя и,если понадобится,приготовиться к единоборству.

Я еще больше испугался,когда шагах в 20-ти от себя,увидел не зверя,а существо,похожее на человека.Это существо,увидев меня,остановилось. А я, весь напрягшись в осторожности,тихо двинулся к нему.

Существо было одето в лыковую шляпу,в лыковую куртку, в рваных штанах,в лаптях.По лицу висели куски волос не то бороды,не то усов.Лицо не старое,но что то "идиотское".За плечами лыковая сумка.В руках удилище рыбацкая сетка.Это породие человека смотрело на меня с полным безразличием,но не зло.

"Кто ты?" - спрашиваю.Он молчит,смотрит на меня,словно не понимая моих слов.

"Кто ты?.. откуда?.. что делаешь?.. почему ты здесь?" - тихо,с разстяжкою спрашиваю его,познав,что этот убогий карел,плохо понимает меня.

"Карел... рыболов" - односложно отвечает.

"Почему ты кричал?"
"Товарищь... тоже рыболов.. жду его" - отвечает.
Ну,думаю,дела могут стать не в мою пользу.Стоит ночь.Уже 10 часов. Кругом тишина. Гробовая тишина леса.Их двое,а я один.Они в полном рубище убогом,для которых я одет очень богато.Завидная добыча.Как у рыболовов,у них должны быть ножи.В лесу ведь,без ножа,быть нельзя.Я-же безоружный.Они могут одолеть меня и из-за добычи - прирезать...И ищи их! Свидетелем будет только глухой лес,да вот эта речка... Надо уходить,пока он один.И уходить как можно скорее.

"Я заблудился... где твое село?... где граница?" - спрашиваю.
На свое село он указал куда-то в сторону,а насчет границы пояснил:
"Иди прямо... по реке... через нее буде бревно... это мост.. еще надо идти три версты.. перейдешь - иди сюда" - и указал рукою,по моему,на юг.
"Там будет поляна... и хата... там живут солдаты... но туда не ходи... они убивают" - закончил он все так-же односложно,плохо зная русский язык.
Услышав все это - я начинаю холодно потеть от страха.Уже второй карел говорит мне,что на границе "убивают"...Значить,случаи были.
Двинулся ,оглянулся и рукою спрашиваю - правильно-ли я взял направление? Он незаметно кивнул головою,а когда я скрылся от его глаз - он вновь дико закричал по-лешему.Теперь,хотя мне и не было страшно от этого крика,но очень неприятно было для слуха.

— • —

Дервиш-рыболов оказался прав.Версты через три,где речка с,узилась своими крутыми берегами - через нее было переброшено толстое неочищеное от ветвей дерево.Впереди полянка-котловина,дальше горы и высокий лес. Моя дорожка сразу-же окончилась у берега и я вступил в густую заросль колючей травы,хлюпнулся в воду выше щиколоток и побрел на юг.
Было так тяжело идти по этой водяной заросли.Главное,я боялся - уж не засасывающая-ли в себя эта тина?!Погибнуть в таком положении - меня пугало.Бреду нудно,тяжело.Вправо,у начинающейся окраины леса,растилается дымок.Я безумно устал.издергался нервно,ноги подкашиваются.Пойду к этой хатенки,кто бы там не был и отдохну.Если там и красноармейцы - скажу,заблудился - решаюсь и на это,не видя впереди для себя выхода.
Иду,а дымок от меня удаляется.Вот и опушка леса,а ... дымок уже рассеялся и никакой здесь хатенки нет.Оглядываюсь назад,вижу,дымок позади меня.Это испарения от воды,заключил.А не галлюцинация-ли от усталости? - пронеслось в голове.Напрягаю силы и иду к лесу и ступил сразу же на каменистую почву широкой просеки.Просека широкая,метров двадцать.По ней тянется хорошо пробитая старая дорожка для пешеходов.Просека запущена. Она прорезана между старыми очень высокими соснами.Уже на самой просеке выросли молодыя сосны в пять-десят сантиметров к диаметре..Предполагаю почти уверенно,что это есть государственная граница между Россией и Финляндией.
Вступив на каменистую почву,мои сапоги сразу-же "захлюпали".Остановился,разулся,вылил воду,выжал портянки,вновь обулся и двинулся вверх по просеке.
Сколько прошел я верст - не знаю.Вот уже девять часов подряд без единой минуты отдыха - я иду очень скорым торопливым шагом и мне совершенно не хочется есть.Но зато жажда исключительная.Я прохожу частые и такие чистые родники и вода в них так приятна.Я много пью,почему и потею. Я весь мокрый.Мокра и кожаная куртка.Суха только скатка шинели через плечо,которую часто меня с одного плеча на другое.Мои сапоги кожи советской выделки,размокшись в воде,теперь,по каменному грунту,превратились в какие-то "шлепанцы".Я боюсь,что они перестанут мне служить...

Как не белы,как не прекрасны северныя "Белыя ночи",но это,все же есть ночь.В лесу стоит гробовая тишина.Природа спит.Хочется спать и мне.. К тому-же я очень устал физически и издергался нервами от осторожности и от полной неизвестности. Если моя душа переполнена борьбою, даже,с природою для того,что бы вырваться из "своей великой страны", и попасть в маленьную свободную Финляндию,то мой организм перенапряжен. Организм требовал отдыха,сна.Но,спать в лесу?!... в лесу,где редко ступала нога человека,где водились медведи,сплошь и рядом задиравшие на смерть не только карельских коров,но и людей - не позволяли остановиться. Просека тянется по перекатам возвышенностей.Иду и мечтаю: - вот на вершине следующаго переката увижу что-то конечное для меня.Но напрасно. За одним перекатом,следовал сдедующий и,как мне казалось,местность все поднималась и поднималась.

А если заночевать на дереве? - думаю.В таких разсуждениях остановился,поднял голову и ищу подходящую сосну,на которую взобраться,примоститься на ея ветках и... заснуть. Но сосны такия высокия,к тому-же,метров на 10 от земли,они безо всяких веток и только где-то высоко-высоко,своими зеленеющими макушками,они делали сплошную крышу,сквозь которую,думаю, не проглядывало и солнышко Божье.О ночлеге на них не могло быть и речи.

Ну,взойду на следующий перевал,и если не увижу выхода,буду взывать о помощи.

"Гоп-го-оп!" - резко,взывающе, выкрикнул на следующем перевале.Резкое эхо заговорило-ответило в разных местах леса.Стою и прислушиваюсь -- будет-ли ответ? Но - та-же лесная мертвяще-сонная тишина продолжала оставаться кругом,какова была и до этого....

Неужели нет и красной пограничной стражи здесь?- думаю.Асли она откликнется,скажу - "заблудился",будучи командирован сюда "для изучения лесной растительности и подпочвенных образований",как сказано у меня в документе,а переночевав у них - завтра приступлю вновь к побегу,трактовал сам себе и успокаивал себя. Постояв немного,приложив рупором ладони ко рту - еще громче вновь возопил: - "ГОП-ГО-О-ОП!" Но и на этот раз никто не ответил.

В отчаянии иду дальше.Передо мною очень высокий перекат.Ну,думаю,это должен быть "перелом".Всхожу на него.Дальше местность начинает понижаться и вдоль своей широкой просеки - я вижу нескончаемое небо,которое далеко-далеко впадает в какую-то пропасть.Я чувствую,что до этой пропасти я не дойду.Даже безцельно идти.Почему,сложив вновь ладони рупором - кричу изо всех своих сил - "ГОП-ГО-ОП!...ГОП-ГО-ОП!"..

Стою и жду спасательнаго ответа от каких-бы то ни было людей - от чорта,от дьявола и,даже,от красноармейцев.Но,вновь ничего....

Положение становилось критическим.Я,словно,всасываюсь в болото,из котораго совершенно не было спасения.Но ночевать в лесу,с медведями,я совершенно не собираюсь.

Что-же дальше делать? - острым шприцем колет меня мысль в голову. Вот и гибель... так просто и так неожиданно.О возвращении назад не может быть и речи.Да и куда идти назад? Я должен идти только вперед,вперед...И набравшись сил - головою,мозгами,сердцем,заставив свои уставшие ноги в истоптаных сапогах р а б о т а т ь - двинулся вперед, слегка вниз,по уклону.

Прошел может быть версту.Мою просеку,по диагонали с северо-востока на на юго-запад,пересекает узкая пешеходная тропинка,очень старая,заросшая но довольно пробитая в былом.Как дикарь,как первобытнй американский индеец - моментально остановился и изследую ее.По ней,видимо,долго и много проходило людей когда-то.Могли ходить и теперь.Как-бы то нибыло, она должна вести к какому-то жилищу.Соображаю:влево может быть только Россия,а вправо - Финляндия,запад. Повернув направо - продолжаю путь.

ЦЕЛЬ ДОСТИГНУТА. РУБИКОН ПЕРЕЙДЕН... Я В ФИНЛЯНДИИ.

Часы показали одинадцать ночи. Но в природе светло.Я попал в счастливый период "Северных белых ночей".Светло так,что можно читать писаное Хотя природа вся спит.

Сердце человека правильный вещун.Это я испытал не раз на себе.В данном случае,когда я свернул "направо" - почувствовал,что я уже ступил на землю Финляндии.Откуда-то взялась радость,энергия и я ускорил свой шаг в понижающуюся местность в лесу.

Кто проходил,кто прохаживал по этой торной тропинки в прошлом и проходит-ли кто теперь? - думал я,изучая ее,которая вилась между деревьями леса так,что бы можно было иметь ношу на плечах.Она была,видимо,дорожка контрабандистов.Но мне сейчас все равно.Я хочу,я должен встретить на своем пути "живое существо".

Вдруг вхожу в маленькую полянку меж высоких сосен.Посредине ея старая копешка сена,вся черная от времени.Верный признак - человеческое жилье недалеко.Но чья копна - русская иль финская?...Иду дальше.В преддверии неожиданных встречь - зорко наблюдаю по сторонам.На тропинке,вижу окурок папиросы.Схватываю его и разсматриваю - чей он? На мундштуке заметны латинския буквы.Да,конечно,это Финляндии.В советской России почти все курят махорку,а для цыгарок употребляют только газетную бумагу. Но окурок может бросит контрабандист-финн и на русской земле.Но что граница близка,теперь я не сомневался.И что по этой дорожке-тропе хаживают люди и теперь - так-же ясно.

Иду дальше еще более бодро.И вдруг на троне,так заметно "словно гора" - лежит коробка от спичек.Схватываю ее.Она пуста.Но на ней надписи только латинскими буквами."Ур-ра,Ур-ра!" - не выкрикиваю,а только душею радуюсь и осматриваю ее с такою радостью и любопытством,как никогда невиданную мною вещь и вещь исключительно драгоценную... Я,ведь,держу в руках "заграничную вещь",вещь заграничнаго изделия,которая теперь мне так ясно говорила,что "здесь ступала нога иностранца"... и возможно,что это и есть уже та именно Финляндия,о которой я так мечтал и вот,сейчас, может быть,я у цели своего побега из красной России.

Откуда-то взялась и физическая сила и душевная радость.Я весело ступаю по дорожке,а она,словно для облегчения моей ходьбы,заметно опускается к низу и кажется более протоптаной от пешеходов.Я иду быстро и чувствую,что дышу каким то новым и свежим воздухом - воздухом жизни.Сквозь поредевший лес показалась пашня и я скоро увидел сизо-зеленые колосья ржи.... потом живую изгородь.Ну,значить,скоро будет и село.Вот досчатая клуня для сена,которую я видел в Финляндии в 1917 году,когда там стояли наши Кубанские полки.Вот и еще какия-то постройки.А вот и домик на полянке.А дальше озеро,окруженное со всех сторон горами с сосновым лесом.Свои иль не свои?...Россия иль Финляндия? - размышляю.

Кругом мертвая тишина.Замедлив шаг,тихо подхожу к домику без ограды. Странно,что нет собак.Подойдя - заглядываю в окно.На полу,вповалку,спят - мужчина и две женщины.Изучаю - кто они? Одежда на них фабричная,не самотканная,как я видел у карел.Осторожно делаю стук в стекло окна.Спят. Стучу еще.Все,как-то,одновременно и быстро вскочили на ноги.Они спали не раздеваясь.Ко мне выходит пожилой мужчина в жилетке поверх рубашки, в подстриженой седой бороде,с седыми нависшими бровями и обе женщины, видимо мать и дочь.Они удивленно и любопытно осматривают меня с ног до головы.Сняв свой картуз,я поклонился им.Они ответили так-же.

"Это Финляндия?"- спрашиваю.Они смотрят на меня удивленно,переглянулись между собою,но ничего не ответили.

"Это Финляндия,или Россия?" - переспрашиваю.

"Чухна... чухна" - отвечает старик.Я знал,что "чухонцами" назывались финны живущие под Петроградом."Чухна,чухна",повторяет старик и смеется.

Я сбрасываю с себя шинел-скатку,мешочек с сухарями и кожаную куртку. Сказалась реакция - мне захотелось передохнуть.Каков был у меня вид - не знаю.Видимо измученый,потому что,обе женщины бросились в комнату и спешно принесли мне большой кувшин холоднаго молока.Беру и выпиваю два больших стакана.Выпив - почувствовал утомление и сел на порожек у двери. Сижу и молчу.Молчат и они.Женщины показывают на кувшин с молоком,дескать - пей! Беру его и без стаканов,безостановочно,выпиваю все,что там было.

Вынимаю кошелек,достаю одну бумажку в 250 советских рублей и даю им. Те со смехом отшатнулись от меня,как от зачумленаго и отрицательно замотали головами и руками.Я даю их старику.Но тот уже закурил свою трубку и ласково,доброта по-старчески улыбаясь - показывает руками,что этими деньгами можно лепить только стены,вместо шпалер.Я сочувственно киваю ему головою,так-же улыбаюсь,а женщины уже смеются.Я знаком указываю - лепите их на стену и вручаю все-же им 250 советских рублей,никому ненужных.Женщины,осторожно,и с улыбками,взяли эту 250 рублевую бумажку за уголок так,словно,что бы не запачкаться и стали разсматривать ее.

Сижу и думаю - все-же надо выяснить - где я?Старик понял меня.Они заговорили между собою,после чего,старик толкнув меня в плечо - вдруг не ясно и отрывочно произносит русские слова,рукою указывая на восток:

"там...моя брат.. пойдем...она говори руська"...

Я так обрадовался этой русской речи,что вскочив на ноги,смеюсь и говорю: - "харашо!.. пайдем твоя брат"...

Он понял меня и весело смеется.Дочь бросилась в комнату и принесла отцу шляпу и сапоги.Он одет и мы тронулись.На прощанье,кивая головою, благодарю женщин,которыя весело улыбаются.

Мы спустились к озеру и подошли к лодке. Что за вид! Что за красота! Что за воздух"! Так вот откуда веяло на меня "дыханием жизни"! - когда я свернул с просеки на тропу. Дыхание жизни веяло из этого Божественнаго озера.Озеро - как гладь.В поперечнике одна верста,а м.б.и меньше,а вдоль - около 2-х верст и загибается оно куда-то на север.У нашего берега осока низины,а дальше,вокруг всего озера,крутые берега гор с сосновым лесом.Озеро так тихо и спокойно,и настолько,что вдали,от играющих рыб поверх воды,здесь слышен плеск.

На мое удивление - здесь нет никакого села.Живет в своем маленьком чистеньком домике,вот этот старик с женой и дочкой.Видимо рыболов.Гребет он веслами сноровисто.Лодка двигается около берега,держа путь на восток.Через пол-версты,причалили,так-же к низкому неуютному безжизненному берегу.Вдали,в лесу,видна убогая хатенка.Мы направились к ней. В это время,из лесного бора,с юга,правее нас,вышел "одноглазый циклоп"... выше средняго роста,широкоплечий костлявый мужчина без бороды.Правый глаз на выкате.На левом черный кружок,поддеживаемый шнурком через голову.В руках большой топор.Впечатление от него очень неприятное.Позади него мальчик лет 12-ти.Это был брат старика,но кто он - не знаю,как и не знаю - кто этот старик?Может контрабандисты? - мелькнуло в голове. Возьмут и зарубят... ударила мысль у меня,у затравленнаго человека. Они подошли к нам.Мальчик быстро снял свой картузик-блин,резко низко поклонился и одел его на голову.Это меня успокоило: - у разбойника не может быть такое милое дитя.Братья поздоровались,перебросились словами.Они,их слова,явно,касались меня.Выслушав брата,циклоп произнес два слова:

"Пойдем в хату".Сказано было по-русски довольно чисто,но глухо.

Мы в его хате.Она убога.Одна комната,печь,стол,лавка и деревянная кровать с жалкой постельной принадлежностью.Хозяин сел за стол.Жестом руки предложил мне сесть рядом.Его сынишка очень почтительно смотрит на меня и молчит.После нуднаго молчания,циклоп произносит:

"Кто ты такой?...и зачем пришел сюда?"Голос его мрачный и,какой-то,замогильный:И тон,и постановка вопроса,мне очень не понравились.

"Это Россия или Финляндия?" - сам задаю ему вопрос,что бы точно знать - где я?

"Финляндия" - одним словом отвечает он.Мне стало легче на душе.

"Далеко отсюда Русская граница?"

"Полторы версты" - сказал и указал рукою на восток.

Полторы версты..это плохо.. это очень близко.. и еще не безопасно для меня - констатирую в уме.Надо быть осторожным.Могут и выдать.

"Я русский.. пришел повидать сестру.. она живет в Финляндии" - вру ему.

"В каком городе?

"В Сердоболе".. отвечаю,назвав ближайший город отсюда.

"Паспорт есть?" - тянет за душу он.

Достаю свой документ и даю ему.Он одевает очки,склоняет голову на свой единственный глаз и долго смотрит на написанное в паспортее-удостоверении Екатеринбургскаго Университета.Не знаю,понял-ли он что там написано,иль нет,но смотрел он долго.Вернув его мне,произнес:

"Харашо... ложись спать тут.. а завтра мы пойдем с тобою на пост!..

Это меня совершенно не устраивало.Я абсолютно не хотел ночевать здесь в полутора версты от советской границы.Кто они?... А вдруг пошлют мальчика к границе и приведут красноармейцев...вот и конец будет у самаго финала.Нет-нет!..Надо уйти отсюда.Его "косой глаз" мне очень не нравится.Да и почему он за полночь времени был в лесу и с топором?Чорт его знает,что он думает?!

"А где пост?" - спрашиваю.

"Четыре километра отсюда" - сказал и указал на юго-запад.

"Кто старший там? - задаю вопрос,что бы знать - не о советском ли посту он говорит.

"Сержант" - все так-же мрачно,глухо и односложно отвечает он.

Слова "километр и сержант" меня успокоили.В красной России этих слов еще не было.Я прошу его отвести меня на этот пост сегодня-же.К моей радости,он соглашается.Старик уходит домой а мы идем к его лодке.Мальчик услужливо помогает отцу и мне.Я был удивлен подобной вежливости.

Он пересек юго-восточный угол озера и причалил к сухому гористому берегу леса.Под,ем высокий.Дорога не колесная.Через версту разстояния,вышли на голое поле,где стояла крестьянская усадьба.Около одной постройки сидело три солдата без рубашек,хотя и шел уже 2-й час ночи.Светло.Солдаты,ладонями били комаров на своем теле и при этом грубо произносили лишь одно слово: - "П е р г е л л е!"

Потом я узнал,что у финнов,это ругательное слово,очень принятое во всех случаях,и означае - "ч о р т".

Мой проводник сказал им несколько слов,конечно,обо мне.Один солдат немедленно же пошел в комнату.Скоро оттуда показался очень молодой интеллигентный сержант в сером мундирчике.Он испытывающе строго посмотрел мне в глаза.Я смотрю на него с полным сознанием своей невиновности ни в чем перед ним.Сержант жестом указал,что бы я снял свой мешочек. Один солдат вынул из него мою тетрадь-дневник и документы.Увидев у меня часы,попросили отдать им.Кстати сказать,часы были настоящие,офицерские,большие,серебрянные с крышкой,фирмы "Павел Буре".Когда все это сержант отнес в свою комнату,только тогда я понял,что мои вещи арестованы.

"Голоден-ли?" - спросил он через переводчика.Я не ел ничего с 9-ти часов утра и,несмотря на это - есть не хотелось.Но я ответил,что "голоден".К моему удивлению они быстро согрели кофе,белый хлеб,коровье масло,молоко - были их щедрым угощением.

Мой проводник ушел.Сержант-же,немнго напыщенно-начальническим жестом показал мне на приготовленную солому с одеялом в их помещении - приказал лечь спать.Я лег и моментально заснул,сдовно провалился в бездну...

Ночью проснулся и вижу - возле меня,на своей кровати,сидит один солдат в шинели и держит свою винтовку между ног."Эг-гэ-э... да я арестован" - определил свое положение.Это было не только что не страшно,но и правильно.Кто я - они не знали.Может-быть "шпион"? Не чувствуя за собою никакого греха перед Финляндией, - вновь крепко заснул.

На утро почувствовал боль в ногах от долгой ходьбы.Но я бодрюсь и рад "новому утру моей жизни".Солдаты смеются и принесли мне кофе,молоко,белый хлеб,коровье масло,сыр.Всего вдоволь.Даже,не все можно с,есть.Кофе с сахаром.Дают папиросы,но я не курю.Все было вкусно,питательно и в таком изобилии,словно попал на другую планету.И,даже,стыдно стало за Россию.Такая Великая Держава и пришла в полное ничтожество...

Сержант одет по форме.Он очень подтянут воински.На боку длинный маузер в деревянной кобуре-коробке.Показывает,что бы я оделся в дорогу. Я одет.Он берет велосипед и показав рукою куда-то на юг,рукою,очень величественным жестом /при этом составил каблуки своих сапог вместе/- командным голосом,глядя строго на меня,выкрикнул:- "МАРЗ-З!",т.е.МАРШ!

На это я улыбнулся и мы двинулись на юг.Он идет рядом со мною,держа свой велосипед в руках,между нами.Куда меня он вел,я не знал.И не тревожился.Я попал в правовую культурную страну и тревожится ненадо было.

Сильно ныли ноги.А мои советские сапоги,что стыдно было на них смотреть.Поджались каблуки.Все с,ехало вниз и безпомощно сидело на ногах.

Сержант весело шагает,что то насвистывает,изредка бросая на меня свой взгляд.Кобура его открыта и маузер висит с противоположной от меня стороны.Между нами-же - велосипед.

Почему открыта кобура?..Неужели для предосторожности против меня,если я наброшусь на него иль хочу убежать?

После короткаго привала,я,словно незаметно,хотел начать идти с левой его стороны,т.е.со стороны маузера - как он вдруг очень решительно,безо всякаго намека на ослушание с моей стороны,не злобным,но начальническим рычанием - безапелляционно показал мне мое место правее его,за велосипедом.

Молодчина сержант,искренне подумал я и похвалил его в душе за отличное знание воинской службы и осторожность.

Должен указать,что в независимой Финляндской республике,воинская дисциплина была перенята из Германской армии,как и форма одежды.

НА ФЕЛЬДФЕБЕЛЬСКОМ ПОСТУ. . .

Мы прошли 12 километров и прибыли "на фельдфебельский пост".Было еще рано и самаго фельдфебеля не было.Мой сержант,поздоровавшись "за ручку" со всеми солдатами - разделся и с ними стал заниматься гимнастикой на снарядах и толканием ядра.Я сижу тут-же,смотрю на них,удивляюсь и восхищаюсь ими.Они вежливы между собою и охотно занимаются спортом.Мой сержант,прошедший 12 километров с велосипедом,казалось-бы,должен устать и отдыхать,а он,вместо этого,кувыркается на снарядах.Опытным глазом офицера наблюдаю все это,оцениваю и внутренне восхищаюсь финским солдатом. Они,словно дети.Сняв сапоги,босиком,по песку - занимаются вольным спортом.Все они молоды.Со стороны мне кажется,что и ядро толкнуть и прыгнуть в длину - я бы мог сильнее их.Дай,думаю,попробую.Снял сапоги,подхожу к сержанту и прошу ядро.Тот удивленно,даже возмущенно,взглянул на меня,но ядро далВсе солдаты насторожились.И я толкнул.Оно упало на полметра дальше,как толкали они."Пэрр-гэл-лэ!".. слышу я вновь.Они по-очереди хватают ядро,толкают,но моей дистанции достать не могут.Восхищенные - они просят меня толкнуть еще раз.Я толкаю его с разбегом и ядро летит еще дальше.."Пэрр-гэл-лэ,сат-тана!"выкрикнули они и ведут меня к яме с песком - прыгать с места в длину обеими ногами.

В их группе я прыгаю на равном положении спортсмена - установив рекорд и здесь.Они в восторге.Мой сержант побежал куда-то и возвращается с русской винтовкой /Финская армия была вооружена русскими винтовками/, что-то говорит мне и дает ее мне.Я понял - он хочет знать - военный-ли я? Беру,привычным жестом нажимаю на скобу и вынимаю затвор.Потом свернул курок и отделив его от затвора - быстро зазобрал последний."А-а-а!... М-м-м-м!". протянули они.Они не отпускают меня,ведут к паралельным брусьям.И когда я сделал на них несколько номеров,потом "скрбку" и закончил "стойкой на руках" - стал для них авторитетным спортсменом.

Неожиданно появился фельдфебель /по фински - "па-апели"/.Молодой человек лет 25-ти,в сизом офицерском мундире,в бриджах,в широком поясе,в отличных боксовых шегольских сапогах.На голове сизая фуражка с высоким полем.На погонах золотой басон.Все солдаты вытянулись перед ним "в струнку Мой сержант,босиком,быстро подошел к нему,очень почтительно вытянулся и доложил что-то,думаю,обо мне.Игры-гимнастика сразу-же прекратились.Мой сержант указал мне,что бы я вошел в комнату и скоро появился сам там - в полном своем мундире,подтянутый по-юнкерски.Куда-то побежал солдат и скоро явился с молоденькою девушкою.Она вошла в канцелярию фельдфебеля, а потом ко мне в комнату и очень вежливо,тихо,скромно произнесла по-русски:

"Пашалюста.. идите сюта /сюда/".

Я вошел.Там был и мой сержант.Он почтительно стоял сбоку,у стола.Фельдфебель сидел в кресле полу-боком ко мне,предложив сразу же сесть на стул.

В Финской армии фельдфебель совершенно не похож на русскаго фельдфебеля.Он со средним образованием,проходит специальную военную школу.Его мундир офицера.Офицеры подают ему руку.Вообще,фельдфебель в армии - это величина,авторитет.

"Паапели Вас спрашивает - кто Вы и почему пришли в Финляндию?" - был первый вопрос мне.

"Я офицер Белой армии... сидел год в лагерях у красных.. и теперь,вот бежал от них" - ответил ей.

Фельдфебель вперился в меня глазами.Мой сержант так-же.

"Какой Ваш чин?"

Мелькнула мысль скрыть чин до встречи с офицером,но потом,все-же сказал - "Полковник".

Фельдфебель еще проникновенней вперился в меня глазами,чуть наклонился вперед с кресла и строго произнес:

"С-СПИОН!" - почему то протянув букву "С",т.е. - "шпион"?

Я так искренне улыбнулся на это и так безцеремонно,что сразу же рассеял его подозрения.

"Что-же Вы будете делать в Финляндии?" - мягко,с акцентом переводит это дитя слова фельдфебеля.

"Я поеду в Русскую Белую армию в Сербию,что бы продолжать борьбу с красными" - искренне говорю ей.

"Есть-ли у Вас знакомые в Финляндии?" - новый вопрос.

В 1917 году,наша 5-я Кавказская /Кубанская/ казачья дивизия стояла в Финляндии с мая по декабрь месяцы.В селе Уусикирка,что недалеко от Териок,стоял наш 1-й Кавказский полк месяца два.Моя сотня квартировала,и я сам,в дивной даче инженера П.Я.Светланова.Я назвал эту фамилию и видного там коммерсанта Молодовскаго.

"А не хотелт бы Вы вернуться назад в Россию?" - жуткий вопрос.

Я прошу тогда разстрелять меня здесь.. т.к.если меня отправят обратно - я буду разстрелян красными" - отвечаю серьезно и.. лицо мое помрачело.

Фельдфебель,во все время допроса,неперемениl ни позы,ни тона.Одна официальность..Но зато сержант,услышав что я полковник - пришел в полное смущение.Когда-же меня отпустили и я "по-штатски" поклонился "паапели" -

т.е.фельдфебелю - мой сержант повернулся ко мне лицом и отчетлико стукнул каблуками.Это мне очень понравилось.То было достойное и благородное в о и н с кое приветствие к чужому ему офицеру,да еще в таком виде и положении.

Меня отпустили.Я вышел к солдатам во двор.Мой сержант немедленно-же выехал на своем велосипеде к себе.Но не прошло и 15-ти минут,как фельдфебель прислал мне от себя завтрак - рисовая молочная каша,белый хлеб,кофе молоко,сахар.Всего было так в изобилии,что я не мог все с,есть.Скоро он сам вышел ко мне и через переводчицу сказал,что меня,на подводе,отправят сегодня-же на офицерский пост в село Питкяранта,находящееся на берегу Ладожского озера,в 34-х верстах отсюда.

НА ОФИЦЕРСКОМ ПОСТУ. В СЕРДОБОЛЕ. В ВЫБОРГСКОЙ ТЮРЬМЕ. В ЛАГЕРЕ КРОНШТАДСКИХ ПОВСТАНЦЕВ. НОВАЯ ВСТРЕЧА ТАМ С КУБАНСКИМИ КАЗАКАМИ.

Поздно вечером 5 июня 1921 года меня доставили в Питкяранта.Это был старый русский военный пост и довольно не уютный.Деревянныя двух-этажныя красныя казармы,двуярусные нары в них.Вселили к ранее бежавшим,коих было человек 15,большекрасные финны,вернувшиеся домой.Русских же было двое - таможенный чиновник г.Олонецка Михаил Аксенов и красноармеец Яшка.В горе подружили.Аксенов с женою.Она русская карелка,православная.Родители и сестра Финские граждане,в Хамина имеют два больших дома,люди богатые. Они мне потом помогут многим.

Вызвали на допрос.Высокий стройный мужчина в штатском лет 35-ти,с правильными чертами лица,вежливо,но подробно предложил разсказать "все о себе" - главное - образование и военную службу.И когда услышал от меня, что весною 1919 года я был полковником и командиром Корниловскаго конного полка - он удивился этому и попросил подробно разсказать о Южной Армии генерала Деникина и казаках.Разсказал.Он внимательно слушал и записывал,задавая некоторые военные вопросы.Меня удивило,что штатский человек, а много понимает в военном деле,почему осмелился спросить его:

"Кто Вы?" И он запросто ответил:

"Я бывший штаб-ротмистр одного из кавалерийских полков Российской Императорской армии,но финн по-рождению.И как знающий иностранные языки, главное,финский - служил переводчиком при Русском генерал-губернаторе в Гельсингфорсе".

Его откровение мне понравилось.И на мой запрос,он успокоил,что меня не отправят обратно в красную Росссию.

Через несколько дней карантина - нас отправили в Сердоболь,где поместили в какое-то госпитальное учреждение.Всех постригли на-голо.Все вещи отобрали и отправили для дезинфекции.Нас же всех проводили в горячую парную баню.Сделано было так,словно хотели "отряхнуть" от нас все,что мы принесли из красной России.Взяли кровь,меряют температуру,кормят три раза в день,кофе же 4 раза в день и спим мы на отличных кроватях с белыми простынями и теплыми шерстяными одеялами.Врач и сестры наши начальники. Попали,словно,в рай.Он длился три дня. Потом - в теплый солнечный день, всех нас,при одном стражнике,привели на жел.доро.вокзал и,к удивлению, поместили в маленький тюремный вагон,по два человека в тесную клетку... В ней можно было только сидеть иль стоять.Вверху окошечко с затуманеным стеклом,через которую ничего не было видно.Долго шел наш поезд,а куда - мы не знали.Поезд остановился.Отперта дверь.Кто то протянул нам руку и не успели мы с красноармейцем Яшкой узнать,что с нами хотят сделать - как были мигом скованы рука за руку... В таком виде вывели нас из вагона и под охраной скоро подошли к большому многоэтажному зданию,недалеко от вокзала города Выборга.То была губернская тюрьма былой России.

Вошли в нее.Гробовая тишина.Часы показали 12 часов ночи.В специальном

помещении приказали раздеться до-гола. Тщательный обыск-ощуп всего голаго тела - в ушах, во рту и т.д. Все вещи отобраны и всех нарядили в самые доподлинные арестанские куртки, штаны и халаты с широкими белыми полосами на темном фоне сукна. На одном из верхних этажей открыли дверь, я вошел в маленькую одиночную камеру, щелкнул замок и... я остался в одиночестве. В камере столик, стул и прикрепленная к стене кровать-доска. Матрац и подушка набиты соломою. Шерстяное одеяло. Несмотря на это - лег и крепко заснул. К вечеру следующаго дня, меня перевели в небольшую общую камеру, где размещены были "старые друзья по Питкяранта - Аксенов, Яшка и один русский финн со взрослым сыном. Все это было для меня странно, непонятно и неприятно. Мы были доподлинными арестантами. Через несколько дней новые допросы в канцелярии. Режим не строгий, но изолированный. Кормили прилично, но "параша" у двери для всех и "по-очереди" - давила на душу. Ежедневно прогулка на 30 минут в тюремном дворе. Двор - это секторами разрезаный пирог. В центре, на вышке - один стражник, наблюдающий, что бы "все гуляли", но не садились бы у заборов. Заборы-же, отделяющие двор по сектроам - в два роста человека. Кто был в другом секторе - видеть было невозможно.

Нам, как не преступникам, по желанию, разрешалось работать возле кухни - пилить и рубить дрова. Так прошел ровно месяц времени. Аксенов с женою освобождены и выехали на постоянное жительство в г. Хамина, к родителям его жены. Группу, человек в 30-40 ведут в комендантское управление. Некоторых отправляют назад в красную Россию. Я в панике. А вдруг меня, тоже... Но - пронесло.

На маленьком моторном катере, с какими то штатскими финнами, везут куда-то. Примитивная досчатая пристань. Выгружаемся и - что я вижу?.. На пристане, в замусоленых гимнастерках и штанах, в измятых грязных, больше белых, шапченках, стоят молодые, явно, Кубанские казаки. Я прямо к ним с вопросом: - "Кубанцы?"

Не зная, кто я, они несмело отвечают - "Да... а Вы хто такое будете?" Эту встречу и жизнь Кубанских казаков в Финляндии хорошо, правильно и подробно описал казак станицы Ильинской Гаврила Солодухин, в своей книге - "ЖИЗНЬ И СУДЬБА ОДНОГО КАЗАКА", поэтому я и не буду останавливаться в рассказе об этом. Я был помещен в лагерь Кронштадских повстанцев на небольшом остовке около Выборга - Туркин-саари. После новаго допроса уж администрацией из Кронштадцев - меня поместили в офицерский барак, для котораго была использована русская православная церковь на этом островке, где когда-то размещался небольшой гарнизон Русских войск. И началась новая жизнь. И узнал я, что в Кронштадте служили в пехоте Кубанские казаки, мобилизованные красными. Все они были очень молоды, рождения 1900 и 1901-годов. Их было там около 800 человек. Весь же гарнизон Кронштадта около 10-ти тысяч. Весь он ушел в Финляндию, но по амнистии несколько тысяч вернулось назад, в том числе и несколько сот казаков. Осталось их около 200. Многие уже на работах в селах. Офицеров гарнизона было около 40 человек. Скоро подружил со многими. Странно было то, что эти офицеры старались не иметь никакого общения со своими матросами и солдатами. Матросов-же они, просто, ненавидели. Познакомился и с главою возставших, матросом Петриченко. Высокий, стройный, полуинтеллигентный. Он был старшим писарем на корабле Петропавловск. С ним жена, так-же стройная приятная, городского типа красивая молодая.

Генерал Козловский, брюнет с бородкой, маленькаго роста, приятный старик. Впротивовес сообщениям красных - возстанием руководил "матросский комитет", но не офицеры. Они были только техническими работниками.

На остров прибыл Выборгский губернатор. Высокий плотный мужчина. Чисто говорит по-русски. Я обратился к нему. И через месяц, хлопотами Аксеновых р о д и ч е й, был освобожден из лагеря и выехал на работы в их город Хамина, по русски Фридрихсгамн. Это было 30 августа, когда я стал свободен. Началась новая жизнь. Моя Исповедь закончена.

Полковник Ф.И.Елисеев.

НЕОБХОДИМОЕ РАЗ,ЯСНЕНИЕ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ.

В "Кубанском Историческом и Литературном Сборнике" за май-июнь месяцы 1962-го года № 16-й,редактор и издатель этого Сборника генерал В.Г.Науменко,бывший командир 2-го Кубанскаго коннаго корпуса на Черноморском побережье 1920-го года,на странице 22,пишет:

"Но не все имели возможность сесть на корабли.Части,бывшия на фронте, даже не были уведомлены о прибытии судов /в хутор Веселый,что южнее Адлера,у самой Грузинской границе,Ф.Е./. Так погибли доблестные Лабинцы,честно державшие себя до конца,Корниловцы и многия другия доблестныя части.

Здесь надо отметить недостойное поведение отдельных лиц командnаго состава.Из них,особенно ярко проявил себя командующий 2-м Кубанским корпусом генерал-майор Хоранов,который категорически воспрещал уклонение от сдачи.Когда шесть полков направились к Грузинской границе, он догнал их и убедил вернуться.

Офицеры Корниловского /коннаго/ полка имели возможность погрузить всех казаков на берег моря,для подготовки этого,был послан офицер,но командующий полком полковник Безладнов категорически запретил это. Офицеры полка не могли сломить упорства.В результате,только 27 офицеров,полковой священник,полковой врач и 120 казаков ушли самостоятельно и были погружены на один из Английских кораблей.Если бы не упорство командира полка,то все Корниловцы могли быть погружены на этот корабль.

Были и другие лица командnаго состава,которые всемерно мешали погрузке кого бы то ни было и на их душе тяжелый грех за гибель тысяч казаков".

Это писал генерал Науменко со слов других.Кто виновен в гибели Кубанской армии,я написал достаточно ярко в своих предыдущих брошюрах,но отнюдь не командный состав офицеров,до командиров корпусов включительно. Во всем виновка только Ставка Главнокомандующаго.

О генерале Хоранове я так-же достаточно написал в его поведении,но - он никому - главное, - "категорически воспрещал уклонение от сдачи",как пишет В.Г.Науменко.Для этого он был достаточно не авторитетный,произведенный в генералы на том-же Черноморском побережье,а 2-й Кубанский конный корпус принял только 15-го апреля от самаго генерала Науменко и за четыре дня до розыгравшейся трагедии Кубанской армии.

Никакие шесть полков не направлялись к Грузинской границе,почему Хоранов и "недогнл их и убедил вернуться",как написано в этом Сборнике.

Хоранов тогда,просто,растерялся.Как окончивший пехотное военное училище,"скакать" он не любил,никогда не имел и в мирное время своей собственой под седло офицерской лошади;а по своему доброму характеру - никогда не насиловал,даже,душу рядового казака. Шесть конных полков,узкой лентой вытянувшихся по единственной дороге к Грузии в колоне "по-три" со своими обозами на несколько верст - как их можно было "убедить вернуться назад?".Вообще,этого случая совершенно не было.Добрый,слабовольный человек,одинокий,потерявший жену драматически - окрыленный недавно полученым чином генерала и должностью командира корпуса - по своему легко меняющемуся настроению - он решил лично остаться,думая,что и в красной армии он получит в командование "конный корпус"... Но никого он не уговаривал "остаться" - ни офицеров,ни части его корпуса,которые были в разных пунктах.Обо всем этом мною уже написано довольно подробно. Я с ним однополчанин по мирному времени 1913-14гг.когда он был под,есаулом в

-он-

свои 39 лет от рождения, котораго хорошо знал и, даже, дружил со мною.

Иное дело войсковой старшина Владимир Безладнов. Спешеным Корниловским конным полком шашек в четыреста - он занимал последнюю сильную арьергардную позицию от моря, через шоссе, к востоку. Никто тогда и не думал о могущей быть Трагедии всей Кубанской армии. После от, езда генерала Бабиева в Крым - я вновь вступил в командование 2-й Кубанской дивизии, осматривал с Безладным их позицию и видел твердое настроение последняго - защищаться до конца.

-так-же под, есаул-

Я знал хорошо Безладнаго, когда он был еще под, есаулом, а я у него - и помощник, и полковой ад, ютант, и советник и доверительное лицо в Корниловском конном полку осенью 1918 года в Закубанье. В течении месяца жили, спали в одной комнате в станицах и неразлучны были в боях.

Добрый, кампанейский, отличный полковой товарищь, храбрый офицер, а недостатки - недостаточно распорядительный, с упрямством Черноморскаго казака, коим он был по рождению. Он сын офицера. По рождению, по воспитанию - - он "городское дитя". Среднее образование получил в Екатеринодаре, живя там в собственном доме своего отца. Потом юнкером сотни Николаевскаго кавалерийскаго училища, которое окончил в 1912-м году. Нужно полагать, что только с производством, он "по настоящему" столкнулся с казаками. И видел - он с ними не умел разговаривать; не понимал их психологически. Для него казак был "воин" и только. Но зато "приказ начальства" - это главное и подлежит безоговорочнму исполнению. Так, по этой психологии, погибло 15 молодых казаков Константиновской станицы Лабинскаго Отдела, мобилизованных красными и перешедшими к нам, присланными в Корниловский полк. Это описано в брошюре №2-й, "С Корнилонским полком", на стр. 17.

Повторяю, что в полках никто не думал о возможной капитуляции Кубанской армии, когда до них дошел слух о начавшихся переговорах с красными. Полковник Дрейлинг, начальник штаба Армии у Атамана Букретова, на военном совете в Адлере подчеркнул, что переговоры надо затянуть дня на три, когда прибудут корабли из Крыма. В естественном порядке, и воинской дисциплины и воинской морали - он приказал офицерам своего полка до конца оставаться в полку со своими казаками и ждать новаго приказа свыше, что бы оставить свою арьергардную позицию и идти грузиться на корабли. Но приказа непоследовало, как и не прибыли корабли... Да их и не думали присылать...

"Сам погибай, но товарища выручай" - твердо говорит один из параграфов Устава Внутренней Службы Императорской Армии, на котором твердо, священно, воспитана была Российская Армия. Всякий приказ начальника подлежал точному и немедленному исполнению. Вот те причины, как и личное упрямство Безладнова, толкали его требовать от своих офицеров "не покидать полк".

Все говорило против Безладнаго, что бы он лично ждал снисхождения себе от красных. Сын офицера. Имел собственый кирпичный дом в Екатеринодаре /рядом со зданием Войскового Штаба, где гостил и я у него/. Первопоходник. Старейший Кониловец. Командир сотни во 2-м Кубанском походе и последний командир Корниловскаго коннаго полка. И.... он остался. Остался и был разстрелян красными в Екатеринодаре во время дессанта из Крыма на Кубань. За верность воинской чести - он погиб, до конца остаааясь со своими казаками.

Если в Армии будут знать, что в самые трагические моменты начальники могут бросить своих подчиненных и спасаться в одиночку - Армия эта будет неустойчива в боях и морально больна. Это - психологический закон.

Есть легенда, что когда Александр Македонский проходил со своими Легионами по Аравийской пустыне - его воины умирали не имея воды. Кто-то достал кувшин с водою и приподнес ему для утоления жажды, а он, выйдя перед Легионами, сказал: - "Не хочу утолять своей жажды, если Вы сами без воды." И подняв кувшин вверх перед собою, на глазах всех, - вылил воду на песок.

Ад,ютант Корниловскаго полка,есаул Алексей Матвеевич Козлов,казак станицы Дмитриевской,гостивший в Нью-Йорке на Рождественских Святках - дружески разсказал мне следующее:

"Корниловский полк занимал вторую арьергардную оборонительную позицию южнее селения Хоста на Черноморском Побережье и был непосредственно подчинен генералу Морозову.Командир полка,войсковой старшина Безладнов,получив уведомление от генерала Морозова о капитуляции Кубанской армии - собрал нас офицеров и заявил,что он лично остается с полком, но кто хочет выехать в Крым - препятствий чинить не будет.Произошло разногласие.Что-бы положить предел ему - Безладнов предложил отойти тем,кто решил уехать.Их набралось ровно половина наличнаго состава офицеров полка.Вторая половина решила остаться с казаками.После этого, Безладнов подошел к нам,разцеловался с каждым и мы,в ту-же ночь,выехали в Адлер",закончил он.

Вот коротко "другая версия".Адрес есаула Козлова имеется в Войсковой канцелярии.

Сколько было тогда офицеров в полку - сколько выехало в Крым и сколько осталось с казаками - за давностью времени,выяснить трудно.Перечислю лишь старших в чинах,коих видел и с коими перенес "лагерное и тюремное заключение" в красной России.Одних только штаб-офицеров было шесть человек,а именно:

Войсковые Старшины - 1.Безладнов Владимир /командир полка/, 2.Трубачев Александр,казак станицы Родниковской /его помощник/, 3.Лебедев Пантелеймон,ст.Лабинской, 4.Друшляков Федор,ст.Ильинской, 5.Козлов Иван,ст. Дмитриевской и 6.Ростовцев,начальник пулеметной команжы,казак ст.Платнировской или Пластуновской.

Есаулы - 1.Воропаем,ст.Некрасовской, 2.Дзюба Константин, 3.Дзюба Семен /оба ст.Старо-Корсунской/, 4.Бах Андрей,ст.Незаманевской иль Калниболотской. Фамилии младших офицеров не помню.

Гражданскую войну я начал в Корниловском полку,в коем пробыл девять месяцев,являясь самым старшим офицером полка у полковника Бабиева;из них - три месяца командовал полком,назначеный Бабиевым же,ставшим генералом и начальником дивизии.Всех офицеров полка знал отлично.За эти девять месяцев,в полку было убито восемь офицеров и ранено 25.Фамилии их,пункты и даты гибели и ранений,каких станиц они казаки - помещены в брошюре № 14-й об этом храбром авангардном полку.За это время сам был ранен четыре раза и последнее ранение 27 апреля 1919г. - в должности командира полка.Все в конных атаках. С полком,в тяжелых наступательных боях,почти без патрон,с Бабиевым,прошел Закубанье,Ставрополье и часть Астраханской губернии.При мне,на Маныче,в апреле 1919г.все офицеры произведены были в следующие чины "за выслугу лет на фронте и за боевые отличия" по достоинству. Щедрый и доброжелательный генерал Бабиев охотно зафиксировал мои на них представления.По предствалению Бабиева,за боевые отличия,сам был произведен в есаулы и 12-го апреля - в чин полковника того-же года.

Вот почему - Корниловский конный полк,его трагический конец,мне - н е б е з р а з л и ч е н,о чем для Войсковой Истории в е д а ю.

Январь месяц 1965 года.
Нью-Йорк.

Полковник Ф.И.Е л и с е е в
б./Командир I-го Лабинского полка/.

Следующаая брошюра будет под заглавием:

"ВЕРХОМ ПО БЕЛУ СВЕТУ В ДЖИГИТОВКЕ".

Ф.Е.